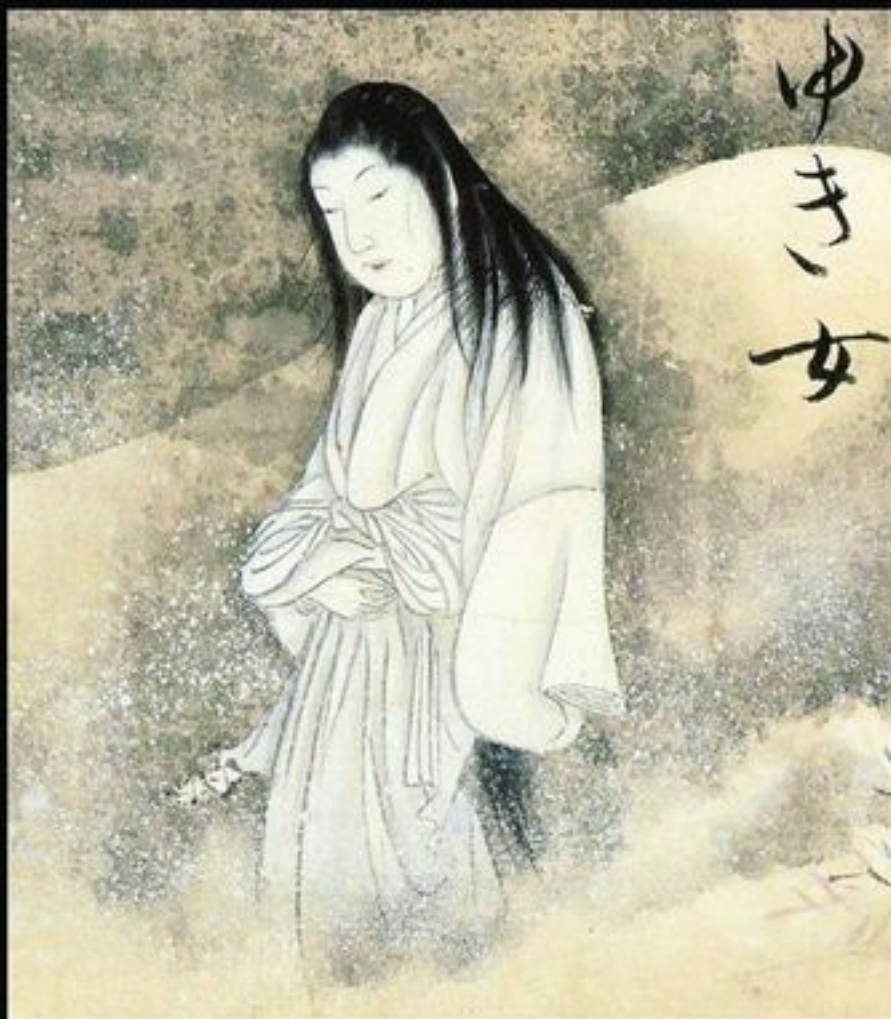

Светлана Тренасова

КЛУБ
ОДНОГОДНИХ

Светлана Трemasова

Клуб одноногих

«Издательские решения»

Тремасова С.

Клуб одноногих / С. Тремасова — «Издательские решения»,

Книга «Клуб одноногих» включает четыре повести и пьесу, жанр которых можно условно обозначить как сказочный реализм. Герои этих произведений «живут всему вопреки, с осколком великого чуда в сердце». Все они немного «одноногие», потому что пребывают в слегка сказочной, немного фантастической, чуть абсурдной реальности, которую создают сами.

Содержание

Лили в облаках	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Клуб одноногих

Светлана Тремасова

© Светлана Тремасова, 2015

© Андрей Алёшкин, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Лили в облаках

Глава первая О нашем невропатологе и И. В.

Собаки бежали, хотели загнать петуха. Хотели тихо, поскольку посреди улицы – хозяева побьют, а то и прибьют. Хотели, будто по-дружески зовут поговорить на двор заброшенного дома, а там уже ждали двое – схватили бы за горло и тихонько перекусили. И петух уже пошел, и во двор свернул сам, но увидел тех, двух, – раскудаhtался, захлопал, подлетел по забору, сделал круг и, вытянув худую шею, ускaкал, лишь успели его ущипнуть с досады. «А, дохлый куренок, пускай отъедается», – отдуваясь от пуха, бросил искоса взгляд в его сторону пес.

Лили шла к невропатологу. Она ходила к нему уже который день и не могла попасть на прием. Каждый день в очереди к нему стоят практически одни и те же люди и не могут попасть на прием. Каждый раз Лили видит здесь старуху, которая сидит, свесив ноги и уложив пирамидкой складки своего тела, будто придерживая его руками, чтобы не уплыло вперед, полудремлет, изредка приподнимая наплывы век в мелких папилломах, когда вокруг слышно движение. Лили нравится эта старуха, потому что она похожа на персонаж какого-то мультфильма – это Лили немножко радуется и успокаивается...

Лили стояла у стены возле двери, и невропатолог, Сизиф Петрович, увидел ее и узнал, и позвал в кабинет без очереди. Но Лили вновь впала в отчаяние, и вместо того, чтобы сказать все как есть, пока он ее слушает, она начала говорить разными словами одно и то же: ей нужна работа... «Хорошо, – говорит он, – посажу тебя на телефон, будешь отвечать на звонки, – и бросает ей на руки квадратный телефонный аппарат с множеством кнопок. – С телефоном-то ты можешь обращаться?» Лили удивленно разглядывает телефон, будто бы он какой-то особенный, но ничего отличительного не находит и думает, что это, наверное, у нее паника, и поэтому она не может найти отличие, но отвечает «да», а про себя пытается выйти из ступора, успокоиться, чтобы понять загадку телефона. Кладет отвалившуюся трубку на место... «Приходи завтра, с утра...» – врач отбирает телефон, и Лили уходит. При выходе из поликлиники опеченение оставляет ее: «Ну как же так жить, когда элементарно не можешь толком ничего сказать?!...», и она, выйдя уже на улицу, сжав кулаки, шепотом кричит: «Ненавижу!»

Трудно сказать, кого Лили ненавидит в такие моменты, скорее всего – никого. Это просто слово для выброса скопившегося напряжения. Есть люди реальные – до кончиков пальцев на руках и ногах они вещественны, как существительное, которое можно потрогать, и не признают и не понимают иного, того, чего потрогать и применить к чему-то нельзя. Даже руки у них такие – притягивают к себе все предметное. Как правило, они твердо стоят на ногах, во всех смыслах, и, как говорится, умеют жить в этом вещественном мире. И люди нереальные – полная им противоположность, – не умеющие удержать предметы в тонких бегающих пальцах, вместо мозгов в голове у них вселенная, вместо сердца – душа, а вместо земли под ногами – вечность. Непонимание между этими двумя категориями людей неизбежно, как и столкновения, и при этом чаще всего приходится говорить своему антиподу только то, что он понимает, а для тебя, увы, не самое главное. И вот тогда ты ненавидишь не его, не себя, а неразрешимую ситуацию столкновения, которая, собственно, существует сама по себе, и совершенно безразлично, в какой цвет ее окрашивает тот или иной человек – положительный или отрицательный. Так слово «ненавижу!» становится мыльным пузырем примирения и оставляет всех на своих местах, не допуская два совершенно несовместимых элемента до зубовного скрежета сотрудничества.

Недавно сынуля Лили пришел из второго класса школы уверенный в том, что существительное – это только то, что можно потрогать. И на все попытки Лили расширить спектр возможностей этой части речи он упирался одним тяжелым доводом: «Учительница старше тебя, она лучше знает!» А как же «вечность», «душа», «красота», «вселенная»?.. Но не об этом Лили хочет сказать невропатологу...

Рабочее утро у Сизифа Петровича начинается после утренней церковной службы, а заканчивается перед вечерней. Местные жители прозвали его «врач от молебна до молебна». В церковь он не ходит, но кто-то сказал ему, или сам он придумал, что во время службы работать грех, и теперь он свято соблюдает это правило, соответственно, и в дни православных праздников на работу не выходит. Невролог в нашем районе только один по штату... И не об этом...

На следующий день Лили хотела прийти в поликлинику пораньше, до начала приема, но у сынули с утра разболелся живот, и только они вышли за порог, как им пришлось ненадолго вернуться...

Звонок прозвенел, когда сынуля бежал вверх по широкой Х-образной лестнице и уже преодолел один пролет. Лили помахала ему рукой, пока он не скрылся за дверью коридора второго этажа, и задержалась, пытаясь рассмотреть цифры электронных часов на стене. Но через минуту сынуля вернулся с портфелем и в слезах – его не пустили в класс. Лили поднялась вместе с ним. В коридоре возле класса Ирина Владимировна отчитывала еще троих опоздавших, и прежде чем Лили смогла что-то сказать, Ирина Владимировна уже принялась сетовать: «неужели нельзя...», обращаясь именно к ней – и Лили тут же уменьшилась до ученика второго класса и поняла, что права голоса не имеет. Девочка, стоявшая у закрытой двери класса, с непроницаемым видом смотрела в окно, мальчишки хихикали и пытались наступить друг другу на ногу, сынуля хлюпал, уткнувшись в плащ Лили. Лицо Ирины Владимировны краснело и прыгало, как кипящий чайник, если он мог бы краснеть и прыгать. Лили молчала. Наконец И. В. сказала: «...чтобы больше этого не повторялось!» И пока Лили снова выросла и успела ответить «хорошо» в спину И. В., та уже загоняла детей в класс и, наверное, не услышала, захлопнула дверь. Тут же утихло все, как ничего и не было, только на синем плаще Лили осталось большое темное пятно.

Лили опоздала и снова встала у двери кабинета, но потом все же тихонько вошла, беззвучно поздоровалась и осталась стоять возле двери. В кабинете сидела ее любимая старушка – сидела так же, слегка подремывая. «Ты думаешь, завтра?» – мурлыча, говорил невропатолог, проводя короткими толстыми пальцами по халату медсестры – казалось, от них должен был остаться жирный желтый след. Сестра сжалась, как слизняк, и, игриво сощутив глазки, облизнулась большими ярко накрашенными губами. «Ну что, – продолжил он, не обращая на Лили внимания, – старушка-то неадекватна?» – и начал что-то широко писать на бледном листе раскрытой карточки. «Ты бы меня сначала хоть чего-нибудь спросил, а потом диагнозы ставил...» – чуть приоткрыв глаза, отчетливо протрубила старуха. «А что тебя спрашивать? Три года в очереди, на одном и том же месте, и ни разу не возмутилась, что лезут без очереди, что меня на работе нет, или еще чем – это ненормально, бабушка! Хе-хе-хе!» – захлопнул карточку и двинул ее по столу в сторону старухи. «А ты убирайся! – закричал он, вдруг обернувшись к Лили. – Я тебя без очереди, на работу беру, а ты: «Ненавижу! Ненавижу!» И он начинает писать на бумажном противно-розовом квадратике, приговаривая: «Все по три раза в день... как написал... и спи побольше... Все! – срывает он листок и протягивает Лили. – Убирайся! Иди, лечись!»

Послали Лили к какой-то женщине: «...она лечит и уроки дает тем, у кого способности видит... сходи...»

Дворник у дома только лестницу вымел: «Пожалте...» Несколько ступеней, дверь, в коридоре за стойкой женщина сидела, талоны выдавала.

– Мне бы талончик...

Она выбрала из лежавших перед ней на столе самый пристойный – на них девицы были нарисованы, как из кабаре. И появились у Лили сомнения насчет этого заведения. Уже отойдя к двери, Лили талончик разглядела: на нем число написано, к такому-то часу, а внизу: такого-то числа – «удираем». Так и написано. «Позвольте...» – думает Лили и возвращается. Тут как раз уроки закончились, выходят девушки из классов. Лили против них продвигается, выясняет, как целительницу зовут. Отвечают: «Наталья Андреевна». Лили идет к ней в кабинет.

– Наталья Андреевна, примите меня.

– Возьмите талончик, – поет та в ответ, и волосы белокурые завитые у зеркала поправляет, – по талону приходите...

Лили было назад, но опять к ней:

– Ну я же...

Тут эта Наталья взяла Лили за плечи и будто бы все сразу узнала, бросила кому-то за дверь:

– Я задержусь, здесь третья степень, – и дверь закрыла. Потом остались они одни, и Наталья Андреевна заулыбалась: – Да не пугайтесь, вторая...

И где-то на лестнице посыпали Лили сначала крупой, поливали два раза отварами из ушатов. Лили во всей одежде – только воротник, говорят, держи, и спрашивают – легче ли? «Легче», – говорит Лили, а понять не может. Девицы – ученицы, выпечкой своей угощали, но есть не хотелось даже – сыро было очень.

Наконец отпустили. Но Лили опять-таки к ней:

– А вот если вы все насквозь видите, может, скажете, чем же мне по жизни заниматься должно, может, я вовсе не тем занимаюсь, чем следует? – с тайной мыслью, что, может, она, Лили, к ней в ученики годится...

А та берет Лили и заводит в комнату, а в комнате люди деревянные, живые и улыбаются: что, мол, попался, глупый ты человек. «Какие вы все красивые!» – вырывается у Лили, а они и впрямь красивы – живые, гладкие, деревянные! Но вдруг такими страшными кажутся. И Наталья эта что-то говорит с ними, а Лили уже один приобнял, да так крепко, что у нее мелькнуло: так и сломают они меня...

Так они и простудились оба – сперва Лили, потом сынуля за ней. «И из дома не вылезать вообще неделю», – сказала участковый врач, натараторила названия лекарств и ускакала, как сорока. Когда сынуля один болеет, Лили обычно в школу ходит за уроками, а теперь оба – на улицу ни ногой. Телефона у нас нет, ребятишки к больному сынуле не ходят – полностью мы, в общем, неделю играем в почти необитаемый остров. Дичи удалось мне, как самому здоровому, «подстрелить» в ближайшем магазине. Из свеклы навывжимали капли в нос, соседка Валентина, как местный «медведь», дала меда для редьки, а воевали мы с жуками-пиратами, которые напали на наши запасы фасоли, – подсушивали их в духовке.

Тогда учительница, Ирина Владимировна, сама принесла домашнее задание сынуле, оторванному от земли. С учительницей сынули Лили было очень сложно найти общий язык: Лили ее слушает и кивает, а Ирина Владимировна почему-то всегда начинает злиться, от чего раздувается в ярко-розовый воздушный шарик со стрижкой в желтый выкрашенных волос – и не успевает Лили и рта раскрыть... как она лопается и уходит, безнадежно махнув рукой. Поэтому вот уже второй год им толком и не удается поговорить.

Теперь Ирина Владимировна увидела всю замысловатую изнанку нашего мирового пространства, в котором, на первый взгляд, наверное, действительно, как она выразилась, нет

никакого порядка. «Но если вы, к примеру, не зная ничего об анатомии, допустим, человека, случайно увидите вскрытый труп, вам, я думаю, тоже покажется, что этот человек понапичкан черт знает чем...» «А это что?» – перебила она меня (кажется, она опять нервничала или торопилась): на каждой вещи в комнате имелась этикетка с их названиями на двух языках. «Это такой метод изучения языков...» «И что это за странный язык?» – снова перебивает она, видимо, прочитав ближайшие слова. «Мордовский. Дело в том, что у сынули есть друг, который сидит в мордовских лагерях». «Да!» – хрипло воскликнул сынуля и принялся не спеша объяснять, – спешить ему мешало еще больное горло, и поэтому мне пришлось ему помогать, и вместе мы объяснили И. В., что на нашей улице у бабушки Юли жил один африканец Серафим, который приехал сюда в университете учиться, а у бабушки Юли комнату снимал. Потом у бабушки Юли кто-то украл сахар, а другого нашего соседа, Славку Огурцова, убили, когда он шел в туалет, потому что на поясе у него были защиты деньги – прямо миллионы! А Сими в это время в городе не было, он уезжал как раз на какой-то концерт всех африканцев России, а когда вернулся, полиция сказала, что это он украл сахар и Славку убил, и посадили его в лагерь, в Мордовии. Теперь надо выучить мордовский язык, поехать туда и сказать там всем, что Серафим не виноват, хотя он и из Африки приехал...

Тут сынуля глубоко и печально вздохнул и хрипло вывел: «Он мне апельсины приносил, много – целую авоську апельсинов! Знаете, что такое авоська? Это сумка такая дырявая, как рыбацкая сеть, дядя Сима всегда в ней апельсины носил. Из авоськи они всегда вкуснее, чем из обычной сумки...»

Ирина Владимировна слушала нас очень напряженно. Еще как раз сегодня из коконов, которые мы с сынулей как-то подобрали во время прогулок, вылупились две первые бабочки, и одна бабочка почему-то все время кружилась возле уже очень розового носа Ирины Владимировны и, кажется, норовила на него сесть, так что не давала учительнице сосредоточиться даже для того, чтобы присесть на диван. «А вы вообще кто? Чем вы вообще занимаетесь?» – вновь махнув рукой в воздухе, выпалила она, едва сынуля умолк, и устремила на меня из всех сил строгий, но в глубине боязливый взгляд.

«Вы знаете, – слегка задумываюсь я, чтобы яснее выразить свою мысль. – Мы, то есть все человечество, как бы находимся, грубо говоря, в некоем предбаннике. В основном, здесь все спят и ждут, и лишь немногие ищут дверь, которая может быть огромной или едва заметной, может быть в полу, потолке, ребре и углу. Они ищут везде: шарят по стенам и углам, некоторые ищут в себе – они застывают с закрытыми глазами и пытаются мысленно раздвинуть преграду. Которую создали сами. А я хочу поглотить этот мир и остаться один на один с Вечностью, с которой мы, по сути, близнецы...»

Ирина Владимировна наверняка бы снова тотчас бы лопнула, как, по рассказам Лили, она обычно делает, если бы не вышла Лили, которая все это время тихонько готовила в кухонном закутке липовый отвар. Лили вышла совершенно неожиданно для Ирины Владимировны и, может, в том числе и поэтому приобрела дар внушительной убедительности. Она сказала, чтобы Ирина Владимировна не переживала, что на самом деле я совсем обычный всю жизнь был пожарник, и только масса книг, прочитанных мною в свободное от работы время и после того, как в силу своего нездоровья перестал работать, к сожалению, нередко дает о себе знать. Что вот и у нее – у Лили – филологический, а у вас, Ирины Владимировны, – педагогический, а кто-то еще – биолог, другой – актер, а третий – плотник, – у каждого свой диагноз имеется. И – что поделать – должен же, наконец, кто-то и этим заниматься – выход искать из всего этого диагностического засилья.

И еще Лили сразу догадалась, как отвлечь бабочек от носа Ирины Владимировны – по ходу своих объяснений она развела в воде ложку цветочного меда, налила это в блюдце и, похватав бабочек за крылышки, потыкала их, почти как слепых кутят, в сладкую водичку, и бабочки поняли, что пора обедать. «А вот космический путешественник, – продолжала

находчивая Лили, – у нас на самом деле сынуля, потому что в данный момент мы как раз собирались делать ему для будущей ёлки костюм инопланетянина. Поэтому у нас и немного такой беспорядок».

Учительница сказала, что все понятно, и ушла, от липового чая отказалась и даже задание домашнее не оставила. Забыла, наверное.

Вот такая она, Лили. Она все может, когда дело касается ее будто бы косвенно – она найдет нужные слова, она тут же вспомнит и сделает все, что возможно, и голос ее не будет дрожать, и руки будут верны, и чувства, и разум, и интуиция бывают в такие моменты в ней в полном равновесии. Но когда удар направляется на нее прямым, она тут же скажет: «Если надо кого-то убить, то убейте меня», потому что чего-то не расслышит или не поймет, а если и поймет, то не так, как нужно, глаза ее вспыхнут удивлением-непониманием-страхом, голос будет выдавать отдельные слова, вырванные из мешанины противоречивых мыслей, как будто в голове ее в это время сталкиваются трое-четверо бесплотных мыслящих существ и борются за первенство – вернее, даже не борются, а бьются друг о друга, не понимая, кто же из них требуется сию минуту на выход, а выход один, а вызваны они все, – вот и выплескиваются от них наружу только отдельные слова. Вот такая получается сумятица в голове Лили. В эти минуты, наблюдая за этаким слабостью, Лили понимает, что лучше бы ничего не говорить и вообще уйти, на что несчастные извилины отвечают новым воплощением – мол, никак нельзя уходить в данный момент от ответственности, мол, и так уже не в первый раз от тебя требуют этого ответа, – и в драку влезает пятое-шестое бесплотное существо... Тут Лили не выдерживает и ревёт, просто ревёт, обрушивая ливень, гром и молнии на этих изодранных уже, бесплотных дерущихся существ, не могущих ни остановиться, ни выйти. Без этого рёва никак нельзя – иначе их не остановить, иначе к ним прибавятся шестое и седьмое, и... даже думать о включении в драку каждого нового существа тяжело, потому что в итоге, возможно, даже уже на восьмом, эта распря может разорвать какие-нибудь соединения в голове Лили, и там воцарится пустота, которая так пугает людей, зияя из глаз умалишенных...

Глава вторая

О снах Лили и недремлющей И. В.

Когда Лили поутру пытается рассказать маме свой сон, та начинает злиться и ворчать, что все это ерунда, и зачем вообще эти сны запоминать, и тем более думать о них, и так далее. Сама она верит только снам о покойниках: приснился – надо помянуть, если что попросил – надо кому-то это дать, если приснился голый – надо купить одежду и кому-то подарить. Все! Остальное – ерунда!

Лили кажется, что чем более несчастлив человек в жизни, тем более счастлив во сне. Чем однообразнее, чем скуднее его дни, тем ярче и насыщенней сновидения. Она говорит, что к снам привыкаешь, как ребенок к сказке на ночь: пару дней без них потерпишь, потом начинаешь тосковать, потом начинается бессонница, и жизнь тебе не мила. Ей виднее...

Лили почти всегда помнит свои сны. И вот она рассказывает: «Похоже, мы приехали с подружками отдыхать в какой-то приморский городок, сняли в небольшом коттедже одну большую комнату на всех. И вот я иду, все залито солнцем, и я, вприпрыжку, в легком сарафанчике... а за мной, поодаль, какой-то молодой человек. И я захожу в этот самый коттедж и напеваю: „Окончен бой, зачах огонь, и не осталось ничего, а мы живем...“ А этот молодой человек уже впереди меня, открывает дверь в свою комнату и отвечает: „...а нам с тобою повезло назло!“ И я захожу в свой номер, приподнятая, радостная: вставайте, девчонки, идемте гулять! А девчонки сидят сонные, в бигудях, в пижамах, – смешные...»

Мы молчим. Лили приятно от возможности еще и еще вспоминать утешающий момент ощущения легкого счастья. Но от каждого прикосновения к нему его свежесть неизбежно подтаивает, сон становится все тусклее.

«Уже много лет, – говорит Лили печально, – только сны изредка напоминают мне, кто, какая я есть на самом деле... уже много лет я обманываю себя и всех одним только названием, воплощение которого должно быть совершенно другим. Я практически похожа на алкоголичку, от которой она сама и все окружающие хотят только отвернуться, потому что она врет и себе, и им, выдавая убогую отталкивающую маску за свое настоящее лицо. Я боюсь протянуть руку, я боюсь сказать: «Это Я»...

«Раз в жизни все так невозможно, – однажды сказала Лили, – я буду спать! Во сне я живу...»

И покатались сны чередой, каждый – отдельная история. С продолжениями, переплетениями, с повторением одной неизменной героини в центре потустороннего мироздания, единственной среди вечности – Лили... Лили спит, Лили живет снами, и чем дальше, тем чаще, соприкасаясь с грубой своей навязчивой вещественностью действительностью, Лили выставляет вперед, словно щит, радужную метафору сна и проживает день как необходимое преддверие ночи, как, может, надо проживать и жизнь – как необходимое преддверие вечности...

И Лили временами, когда ей удавалось отгородиться, преображалась. В ней начинала появляться легкость, ее взгляд потихоньку из испуганного становился удивленно-мечтательным, минуты спокойствия сглаживали заострившиеся черты ее лица и укореняющиеся на нем тревожные морщинки. Ведь, несмотря ни на что, Лили всегда знала, что на самом деле она может все, а значит, она должна быть прямой, уверенно, спокойно и невозмутимо глядящей вперед, хотя никогда в жизни ей не удавалось такую быть. Только бы избавиться от этой роковой слабости, которая, как глухой зажим, перекрывала основное русло, заставляя скрючиваться, судорожно корчиться и утопать в глубоких омуты собственной рефлексии... И сон становился лекарством, которое обволакивало Лили на ночь и тающим постепенно облаком плыло за нею по дню: утром в ней искрились воспоминания ночных событий, днем она вновь

и вновь вызывала в воображении самые яркие картины, а к вечеру остатки ароматной пыльцы сна теряли свой вкус, но уже близилась новая ночь...

Лили снились китайцы в маленьких людных домах и сумасшедшая торговка возле американского Белого дома. Снился запах войны и ножи приближающихся ассирийских колесниц, снились космические каменные глыбы и сотворение нового мира, снились принцы, канувшие в Лету или превращенные в старых страшных карлов, древние гробницы и сокровища оказывались прямо за стеной ее спальни... снились люди, за которыми, как тени, следовали их личины, снились райские деревья... в своих снах Лили читала треугольные письма с фронта, перебирала довоенные открытки и желтые фотографии, изобрела новый способ вязания крючком, плыла на корабле с краденым добром, ее убивали ножом в спину, она видела, как разъяренное море, застилая мрачное небо, огромной бурлящей пастью поглощало землю...

Сон для Лили – материнская грудь первородного Хаоса, и лишь припадая к ней, можно утолить, пусть и ненадолго, сосущее одиночество своей души. Ибо есть в Лили непреложная уверенность в том, что все мы вышли из Хаоса, и сколько бы олицетворений после него ни прошли, он – в нас, остальное – лишь форма. И если человек лишается этого материнского источника, жизнь ему не мила.

Потому только сон может примирить Лили с реальностью. Благодаря своим снам Лили часто не помнит, что было сегодня и вчера, а потом все это каким-то странным образом переписывается, переплетается в ее голове, помимо ее воли, без всяких усилий, и ей остается только подозревать, что, возможно, на самом деле все было совсем не так, и было ли вообще то, что, как ей кажется, было...

Тем не менее, на совете своего педагогического отряда, за чаем, накрытым на последней парте, учительница все же рассказала о своем походе к ученику и высказала сомнение в моей адекватности. После чего педагогический отряд со всей своей педагогической находчивостью стал «по своим каналам» собирать подтверждения моей предположительной неадекватности и выяснил-таки, что я в действительности болен на всю голову и несколько позвонков, так как однажды выпал из окна третьего этажа горящего дома, и выпал весьма неудачно, и с тех пор больше не хожу на службу, получаю пенсию, пью пиво и веду крамольные беседы, причем при детях...

Скоро Ирина Владимировна вызвала Лили и, посадив ее за парту напротив, начала говорить, что сынуля стал в последнее время очень рассеян, не работает на уроках, практически спит, и, конечно, она понимает, что мальчика растить очень сложно, была бы девочка – совсем другое дело... «ведь он у вас и так нервный – то губы кусает, то ногти грызет, то плечо тянет, – что-то, видимо, у вас в семье не так, может, проблемы какие?..»

Сынуля в это время сидел через ряд, на первой парте, и то нервно теребил плечо пиджака, то раскручивал и закручивал ручку, то открывал тетрадку и снова закрывал, дети шумели, рядом уже стояло несколько любопытствующих, внимательно глядящих то на Лили, то на Ирину Владимировну, учеников. Лили растерянно молчала... и И. В. отложила разговор до родительского собрания.

Через неделю, сразу после собрания, И. В. попросила Лили остаться. Когда, наконец, все долго и медленно, но все же разошлись, И. В. подошла к ней, сидящей за партой, присела за другую вполоборота к Лили и, улыбаясь и розовея так, что, мол, разговор предполагается деликатный, начала говорить с ужимным предисловием, что она даже не знает, как сказать, и, конечно, не имеет права лезть в личную жизнь, но, тем не менее, считает своим долгом высказать некоторые предположения и, может быть, даже помочь. «Конечно, я понимаю, – говорила она, – что мальчика воспитывать очень тяжело, и еще тяжелее, когда нет отца. Мальчику действительно нужен отец, это девочку можно как-то еще воспитать одной, а мальчику нужно с кого-то брать пример, – да и вообще, мужская рука им всегда нужна. И если своего отца

нет, то, конечно, вполне можно найти другого – не думайте, я совсем не против, а даже *за* то, чтобы семья была полная и в воспитательном плане, и в материальном, опять же, это тоже сейчас немаловажно, – но ведь все-таки делать это надо очень осторожно, чужого человека нужно сначала очень хорошо узнать, прежде чем приводить его в семью и доверять ему своего ребенка. Да и мужчины сейчас, скажем так, часто встречаются... ну... не очень надежные, порядочные, что ли, теперь и не знаешь, чего от них ожидать... так что надо бы хорошенько, наверное, сперва проверить, прежде чем решать, с кем связывать свою жизнь, ведь на ребенка-то это влияет тоже, может быть, даже больше, чем на нас...

– Спасибо... я, конечно, так и сделаю... наверное... при случае, если... вдруг... – сказала Лили, пытаясь припомнить, с кем, где и когда она решила связать свою жизнь. Неужели – недоумевала она – в ее личной жизни что-то происходит, а она даже не понимает и не помнит этого?!

– Вот и хорошо! – довольно сказала И. В. – Подумайте, может, мальчику все-таки пока пожить у ваших родителей, пока вы узнаете друг друга получше, но это, конечно, вам решать... я все понимаю...

– Мы и так живем у родителей... – удивленно протянула Лили.

– Но когда я к вам приходила, когда вы болели с этими бабочками и африканцами, там был явно не ваш отец! – начала раздражаться И. В.

– А, – наконец поняла Лили, – это был мой брат!

– Брат?

– Да, мой родной брат.

– Так что же вы сразу не сказали, что это ваш брат, – поникла И. В. и даже как-то сразу посерела.

– Не знаю, – ответила Лили, – я как-то не подумала об этом...

– Хорошо, – уже устало ответила И. В. и, опираясь о парты ладонями, которые немедленно раскраснелись до кончиков пальцев с лиловыми ногтями, медленно тяжело встала, – тогда не буду вас больше задерживать...

Отец не выносит, когда кто-нибудь в доме болеет, он начинает раздражаться и кричать, что это все неправда, что все притворяются. Для него мучительно, когда нужно что-то предпринимать, переживать за кого-то, тем более, если это важно. И для Лили с сынулей это всегда повод перебраться сюда, в дом на Рождественской улице. Здесь все любимые вещи Лили, разве что, кроме свитера, большого – размера 52 или 54 – рябого свитера, с которым Лили спит, накинув его на плечи или положив рядом, и который она всегда уносит с собой. Не знаю, когда и откуда она взяла этот свитер, но, как говорит Лили, переплетение его черной и белой нити – это переплетение Хаоса и Света. Вот так, в объятиях Хаоса и Света, Лили и «уходит» от нас по ночам. Каждую ночь Лили входит в сон, словно сквозь сито, и превращается во вселенскую пыль, сливается, растворяется *там* и блаженствует в единении и гармонии, а к утру Хаос и Свет вновь собирают Лили и показывают ей сны, чтобы форма не вспомнила свое содержание и не сошла с ума от его осознания. Лили всегда больше *там*, чем *здесь*, – не в снах даже, они лишь часть *того*, наиболее похожая на жизнь, сглаживающая грань, – а в той темноте, пустоте первородного Хаоса, который является основой всего. И чем больше жизнь реальная перетягивает Лили на свою сторону, тем меньше в Лили жизненных сил.

После рождения сынули, за годы долгих бессонных и полубессонных ночей нить, связывающая Лили в ночные часы с окружающим миром, истончилась. То были годы, когда сна катастрофически не хватало, и жалкие его глотки не утоляли растущую жажду. Жизнь реальная стала занимать слишком много места. Зараженная от матери патологической ответственностью, Лили тогда иссякла почти полностью, – у нее не было сил этому перечить, возмущаться, противостоять; ни на злость, ни на радость не было сил. И потому теперь сон Лили очень чут-

кий. В спальне Лили нет часов. Лили ложится за полночь очень редко: несколько дней после она подолгу не может заснуть. Она не может спать днем, даже если ей очень нужно и хочется. Если за день она сильно устанет, то ночью не сможет заснуть и будет лежать до рассвета с чувством, что вот-вот умрет от усталости.

В отличие от Лили, я люблю сидеть долго, почти до утра, а потом спать до обеда, я могу заснуть в любое время суток – когда хочу, и проспять десять-двенадцать, а то и пятнадцать часов, и мне все равно, снятся мне сны или нет, и что в это время творится вокруг меня. Потому, даже когда мы живем в одном доме, у нас не много общих часов.

Глава третья

О мистере Тройлебене и других семейных историях (поэтому самая длинная)

– Дорогой мистер Тройлебен... нет-нет, «дорогой» нельзя... Уважаемый мистер Тройлебен! Я работаю редактором-корректором... но какая разница, кем я работаю...

«Уважаемый мистер Тройлебен!

К сожалению, мы не знакомы, но я смею предположить, что вы (или кто-либо из ваших родственников) были наставником и нянькой нашего деда, отца, а также и меня, пока мне не исполнилось семи лет, и мы не переехали из собственного дома в Рождественском переулке в квартиру на улице Гражданской.

Тройлебены сопровождали Полосухиных от начала их рода, каждый из них воспитывал по четыре-пять поколений нашей фамилии, ведь Тройлебены, как известно, потомственные долгожители и воспитатели, и род их гораздо древнее рода Полосухиных.

Я пишу к Вам, мистер Тройлебен, в надежде узнать о судьбе нашего воспитателя и учителя Карла Тройлебена, и если он жив, мы будем рады увидеть его и его преемника вновь в кругу нашей семьи.

С глубоким уважением, Лилия Полосухина».

Лили спросила, смогу ли я отправить это письмо мистеру Тройлебену, потому что сама она может в последний момент испугаться это сделать и совсем изведет себя сомнениями, так как все равно не успокоится, пока это письмо не будет отправлено адресату – а там уж пусть случай, судьба или почта решают его, а вместе с ним и нашу участь в любую сторону.

– Но по какому же адресу? – спрашиваю я.

– Я не знаю его адреса, но, наверное, можно найти адрес компании «Тройлебен и К^О» и отправить туда, а там передадут? – неуверенно предположила Лили.

У меня тоже были сомнения, но, в конце концов, чем была бы наша жизнь без подобных писем? Адрес компании «Тройлебен и К^О» был найден, и письмо отправлено...

Через неделю Лили, сидя за столом возле окна в образе прямо какой-то выпускницы бухгалтерских курсов, который теперь только в книгах, кажется, и остался запечатлен, воскликнула:

– Ты только посмотри! – на столе лежала полосная распечатка журнала, взятая домой для внесения последних правок: одна стопка слева, перевернутая лицом вниз, вторая – прямо перед Лили, которая ставила в ней правки острым карандашом. – Посмотри! Это он, господин Тройлебен!

На черно-белом отпечатке был портрет человека возрастом от 30 до 40 – сложно даже сказать, к какому краю ближе. Человек был взъерошенный и возбужденный – он, видно, что-то говорил и теперь застыл между слов с полуулыбкой счастья и довольной умиротворяющей и расслабляющей усталости.

– Что ж, он очень... я бы даже сказал, симпатичен! По крайней мере, на этой фотографии.

– Не в этом дело, он слишком молод!

– А может, это сын того Карла Тройлебена или даже его внук?

– Надеюсь, письмо еще у тебя? – спросила Лили.

Не знаю даже, что отвечать ей в таких ситуациях... Более того, на письме стоит адрес этого тухлявого пня на Рождественской... старого двухэтажного дома, в котором от четырех полноценных семей остались только я, соседка Валентина и бабушка, такая древняя, что никто не помнит, чья она. Бабушка обычно все дни проводит, подремывая на пенечке возле калитки со стороны улицы, и так как однажды Валентина, спеша на работу, чуть не убила ее калиткой,

теперь, перед тем как выйти на улицу, мы стучимся в калитку с обратной стороны, а бабушка в ответ подает голос: «Входите, входите...» Валентина уже на пенсии, но продолжает работать в парке культуры и отдыха – заводит карусель. С тех пор, как умерла ее лучшая подруга – Алевтина, Валентина совсем одна, а теперь еще на зиму карусели закрыли, и ей совсем одиноко и без подруги, и без работы. Поэтому она все больше спит, а когда ей не спится, уходит в парк и ходит там, как шатун, до темна... Вот такие дела.

Не берусь сказать точно, был ли на самом деле тот господин Тройлебен, который сопровождал ранние детские годы Лили, или это плод ее фантазий, или долгий сон, рассыпанный на несколько ночей и плавно перетянутый в реальность. Говорят, что вполне возможно попросить что-то во сне, чтобы оно явилось тебе наяву, вот и Лили, может быть, встречала, и не раз, в сложных лабиринтах своих грез господина Тройлебена, а однажды взяла его за руку, да и привела в свою жизнь – и, более того, в таком случае ей удалось привести его и в нашу жизнь, в жизнь всей нашей семьи.

Из историй о наших предках по линии Полосухиных можно составить практическую энциклопедию неврозов. Сестра отца страдала ипохондрией, в особенности боялась за свое сердце, ей казалось, что ее сердце – это ребенок, которого она должна была родить, и вот теперь он временами обиженно бьется и сетует на то, что не может вырваться и уйти от нее. Иногда она раздумывала вслух о том, что если бы она вовремя родила его, то ему было бы уже лет двадцать, и он теперь учился бы, может быть, в институте на юриста... а может быть, уже женился бы... и так далее, и сердце своими толчками без конца напоминало ей об этом. Мужчины для нее были породой, никак не совместимой с женской, она не желала замуж, а только сетовала: «Когда же Господь научит женщин рожать без их участия?!», и верила, что когда-нибудь это будет возможно... но без медицинского вмешательства, а как-нибудь иначе...

Их младший брат, казалось, уже с детства был бродяжкой – ходил всегда чумазый, одежда на нем всегда была поношенная, с чужого плеча, обувь – с чужой ноги. Хорошие, купленные для него вещи он прятал в чулан, а если его заставляли надеть что-то новое или одевали силком, то за пару часов обновка становилась такой, будто она уже полгода провисела на огородном пугале. Он таскал со всех свалок поломанные игрушки и складывал в сарай. Его школьная сумка была полна огрызков карандашей, обломков линеек, кусочков ластиков, разных частей от авторучек, которые он постоянно перекручивал, заматывал кусками изолянта или склеивал остатками какого-то клея. Он без конца что-то находил – на дороге, на школьном дворе, на улице он постоянно нагибался, чтобы что-то подобрать – обломки, остатки, копейки. Его звали «санитар». Вместо ранца в школу он носил походную сумку с красным крестом, которую отдал ему один приезжий фельдшер – единственный подарок, который не был отправлен в чулан, наверное, потому что сумка была уже не новой, с добротной кожаной заплатой на дне. И если у кого-то что-то терялось, обращались к нему, и он находил. Еще его звали «миллионером». Возле большой свалки металла у него, говорят, была вкопана в землю вверх дном большая фляга из-под молока – так, что сразу и не найдешь, сверху в дне фляги пробита щель – в нее он кидал монеты, которые находил. Все смеялись, что миллион копеек у него там точно есть. Деньгами он не пользовался. Говорят, эта фляга и сейчас там зарыта.

Дед наш боялся дневного света. У него от солнца слепли глаза и краснела кожа. Он был снайпером на Великой Отечественной, и остался у него с той войны прибор ночного видения «Дудка» с двумя толстыми цилиндрами, торчащими ото лба в стороны, как муравьиные усы, и танкистский шлем. Он вырыл на огороде себе землянку и с весны до осени жил там, как крот, вылезая в сумерках: в гимнастерке, в широких штанах, заправленных снизу в носки, в шлеме танкиста и с прибором «Дудка» в пол-лица – так он собирал с картошки колорадского жука, полол грядки, ходил на рыбалку. Вообще, он был резчик по дереву. Ему заказывали

карнизы под шторы, наличники на окна, а шкатулки и фигурки бабушка носила заведующему краеведческого музея, который, бывая в городе, сдавал их в магазин «Искусство».

Бабушка. В молодости она патологически боялась рожать. Когда время подходило к этому, она не выходила из дома и готовилась к смерти – собирала чистую одежду, в которой ее положат в гроб, перебирала по крохам свою жизнь и плакала... и никакие дела не могли вырвать ее из когтей парализующего страха, никакие уговоры, утешения, никакие радости жизни. После родов она будто впадала в кому – ни на что и ни на кого не реагировала, у нее не было сил даже самой есть и пить, она лежала неподвижно и думала, что уже мертвая, и ничего не хотела – ее практически вытаскивали с того света, не из болезни, а из того смертельного нервного перенапряжения, которое она пережила. Она родила троих, и каждый раз это происходило как впервые. Девочка родилась сама, в кровати, куда ее мать, почувствовав, что с ней происходит что-то не то, легла умирать. Их случайно нашла соседка, которая зашла попросить лопату, – девочка лежала молча, мать была без сознания. Акушер орал: «Таким, как ты, нельзя рожать детей!», священник кричал: «А кто ее спросит? Бог дает – куда деваться?...» Отлежав несколько недель, она как будто рождалась заново и совсем не воспринимала своего ребенка как собственного. Как если бы ей принесли нового барашка растить к остальным. Она даст ему, как положено, все, что надо, но то, что она носила его и рожала – она как будто этого не помнила напрочь. Или не хотела помнить. Чувства связи крови и плоти, отделившейся, оторвавшейся от твоей, она избегала, боялась, не хотела.

Отец наш, говорят, раньше был веселым, имел друзей, выпивал и гулял, поступал в институты и бросал их, любил столярничать, мог поставить печь или выложить погреб, и все думали, что он самый нормальный из всех Полосухиных. Но он изменился, не ясно точно, когда это произошло, но как будто чего-то испугался. Он изменял маме, которая тогда была его невестой, она уходила от него, уезжала, и тогда он все силы бросал на то, чтобы ее вернуть. Ему во что бы то ни стало вдруг понадобилось жениться именно на ней, он оторвался от друзей и компаний, стал нелюдимым, мрачным. Он усмирил себя. Он стал похожим на насекомое, которое само себя пригвоздило к стене, при этом самого себя убеждая, что именно так и необходимо жить. С рождением Лили он стал еще более невыносим. Его раздражало все, и чем дальше, тем больше. Мама, купая Лили, даже зажимала ей рот, если та начинала плакать – отцу нужна была тишина, он тогда всерьез занялся наукой, и ничто не должно было ему мешать. Может, поэтому Лили теперь так панически боится воды?

Голос у отца жесткий, резкий и низкий, и от его громкого рыка я действительно чувствовал, как мое сердце, казалось, по-настоящему отрывается и падает в пятки, и начинает колотиться там, как бешеный кролик, и колени действительно начинали дрожать. Таковую же встряску испытывали и Лили, и мама, поэтому все всегда пытались, как могли, избежать этого. Но отец редко говорил спокойно – чаще приказывал. Со временем он этим тоном стал вести любой разговор. Все наши друзья и знакомые, случайно услышав этот его голос в соседней комнате или в трубке телефона, с испугом спрашивали: «Кто это был?», и потом, если обещали позвонить, просили: «Только ты сам подойди к телефону», а перед тем как зайти к нам – узнавали, дома ли отец, и предпочитали на всякий случай подождать на улице.

В его комнате всегда было холодно и неуютно, вечерами она была похожа на мрачный подвал, едва освещенный одной тусклой лампой; всю мебель он выкрасил в тяжелый коричневый цвет. Он не выносил шума, а тем более плача. Когда он слышал, что кто-то ревет, он начинал ругаться и пытался вызвать скорую, чтобы нас забрали в психушку. Поэтому Лили часто пряталась в темном чулане, где среди книг, плотно, до потолка, населяющих самодельные полки, можно было и тихонечко прореветься в подушку, а потом, взяв с полки книгу, удалиться в иную реальность, недостижимую, как сон...

Может, поэтому Лили и ревёт, призывая в подмогу чуланную тьму хаоса, которая в детстве ее успокаивала. Со мной этот фокус не проходил – я в темноте начинал орать еще громче, и меня выносили на улицу. Поэтому я вырос очень закаленным и мог в мороз в одних трусах кататься по двору на велосипеде. И мне повезло больше – у меня уже была Лили, которая могла меня успокоить, пока мать успокаивала отца.

Возможно, тогда, из того чуланного хаоса, Лили и вытащила господина Тройлебена, который вселял в Полосухиных сказочную веру в собственные силы, воплотила того, кто вел каждого из нас по *иному* пути. Отец тогда сумел сдать все экзамены, чтобы, наконец, получить одно из высших образований, пройденных им в большей или меньшей степени. Стал научным сотрудником в научно-исследовательском институте, изобрел высокотехнологичный биопрепарат, который с минимальными затратами перерабатывает органические отходы в высококачественное биоорганическое удобрение, писал научные статьи...

Более того, похоже, именно тогда в нашей семье начали вспоминать историю о том, как Тройлебены пришли в жизнь Полосухиных и стали неотделимы от нее. Оказывается, только под добрым оком этих волшебных гувернеров и только благодаря их благотворному влиянию наша бабушка долгие годы преподавала в университете сопромат, а дед занимался проектированием секретных подводных лодок. И если бы рядом с ними не было Тройлебенов... эта тотальная неуверенность, скованность от чужого взгляда, страх оказаться на виду и неумение отражать прямые удары, это патологическое чувство незащищенности убили бы род на корню. А Тройлебены – это та сила, которая могла освободить или хотя бы притупить до возможной степени, или избавить в нужные моменты от этого тяжелейшего гнета.

Что именно заставило Тройлебенов покинуть Полосухиных, и когда, и куда они от нас ушли, никто толком ответить не мог. Как говорила бабушка, перемены веками происходят незаметно, а проявляются зачастую решительно и в одночасье. Наверное, так оно и вышло.

И как Лили на несколько лет удалось вернуть к нам Карла Тройлебена – тоже не ясно. Хотя я был тогда так мал, что не могу ничего вспомнить. Господин Тройлебен вновь сумел умиротворить всю нестройную нервную жизнь Полосухиных. А когда он ушел, все опять пошло кувырком. Убаюканные господином Тройлебеном невроты отца снова вцепились в него со страшной силой. Он как будто вдруг испугался того, что он может. Все. Сам. И его тут же перекосило: он то не мог есть, то не мог спать, то его постоянно рвало на работе, так, что работу пришлось сменить. Он остался в институте, но стал столяром и садовником. Он бросил курить – потому что выкуренная сигарета сразу взвинчивала его до истерики, перестал выпивать даже по праздникам, потому что образовалась язва двенадцатиперстной кишки. По вечерам смотрел телевизор, уединяясь в своей комнате. Он требовал, чтобы еда была готова вовремя, и у мамы, помимо прочих забот, появился жесткий кухонный график, а у нас вместе с ним – диета без жирного, соленого, жареного и прочего. Все, что было нужно отцу, должно было исполняться сию минуту, иначе то, что пришло ему в голову, не даст ему покоя, он не сможет больше ни о чем думать, ничем заняться, пока это не будет исполнено, а значит, покоя в доме не будет никому.

С тех пор в доме поселился мрачный беспричинный страх. И он уверенно, мелкими щупальцами въедался в людей: в маму, в Лили, в меня. Мама буквально ходила на цыпочках – и днем и ночью она жила в напряженном ожидании очередного нервного взрыва и только и делала, что каждую минуту старалась эти истерики и крики предотвратить. Лили не раз по дороге из школы хотела уйти куда глаза глядят, но глаза видели вокруг лишь реальность, которая при внимательном рассмотрении вызывала страх, и хотели закрыться.

Чтобы каким-то образом уживаться с внешним миром и продолжать работать, отец сделал для себя очень четко расписанный график со всеми необходимыми церемониями, буквально до того, с какой тропинки и какой ногой входить в институтский двор, сколько сделать шагов по направлению к углу здания; какие-то углы он на несколько шагов проходил мимо,

потом возвращался, останавливался, обязательно поднимал голову и смотрел на верхний край водостока, топтался на месте, а потом уже двигался дальше. Его передвижения по институтскому двору были похожи на ритуальный танец. Если по пути приходилось останавливаться с кем-то и разговаривать, то после разговора он шел в последнюю правильно пройденную точку и продолжал свой путь по нужной, ему одному известной схеме.

Он никогда не ходил в столовую, а брал обеды с собой; пути домой, из дома, в ближайшие магазины им тоже были закодированы, и тщетно кто-нибудь желал составить ему компанию – он или отказывался идти, или говорил: «Ну, пойдем, немного прогуляюсь...» Провожал до ближайшего угла и возвращался в исходную точку, из которой мог продолжать свой единственно верный путь.

В домашней жизни такого четкого графика у него выстроить не получалось – там всегда ему наперекор возникали непредвиденные проблемы, требующие, как правило, еще и быстрого решения. В основном, это были проблемы покупки чего-то или поломки. Мама справлялась с этим, но отчасти: она покупала продукты и одежду, и если одежда не подходила, ходила обменивать, иногда по несколько раз. Но когда нужно было поменять, например, текущий водопроводный кран, или в книжном шкафу падала полка, она не знала, что делать. Обращаться к кому-то она не могла, да и не к кому было обращаться. И она приходила к отцу, а он кричал, что ничего без него сделать не могут, даже такую ерунду, что ему некогда, и мама уходила и плакала, и от обиды, что, мол, и муж есть, а ни слова сказать, ни помочь ей некому, и от бессилия. В итоге полку прятали, книги раскладывали по разным местам, кран тёк, она бегала по магазинам в поисках точно такого же, чтобы наверняка, и новый кран лежал и ждал отцовского вдохновения. Вдохновение на него накатывало стихийно, он начинал выворачивать, выкручивать, выдвигать, и мы понимали, что все другие дела нужно срочно бросать, потому что если вовремя что-то ему не подашь, не протрешь, не найдешь, это может грозить потопом, скандалом, или он может по ходу сломать ненароком что-то еще, отчего легче никому, конечно, не станет. О том, чтобы вызвать слесаря-водопроводчика, речи быть не могло. Отец все может делать сам, и не надо подвергать это сомнению... Он действительно мог делать многое, но будто бы боялся в это верить и тем более убеждаться в этом, что со стороны выглядело очень странно: человек, который делает, но изо всех сил сопротивляется, кривится и мешает самому себе, ругается, что не хочет тратить время на ерунду, а эта «ерунда» появлялась в доме с завидным постоянством. И когда на него снисходило желание, мы, затаив дыхание, каждый раз боялись спугнуть его вдохновение – раздраженное, злобное, но продуктивное. Наверное, оттого мы с Лили потихоньку стали учиться всему сами – менять краны и полки, клеить, красить, шпатлевать, класть линолеум и плитку...

Немало проблем у Лили было в школе. Маму периодически вызывали учителя: девочка ничего не знает, а если знает, то все равно молчит, она где-то «летает» на уроках, снова двойка, будет не аттестована... Лили стояла у доски, на нее смотрели десятки глаз, учитель то требовал, то уговаривал, и Лили уже чувствовала, как противоречиво бьются в ее голове уже два бесплотных существа – одно перепуганное, возникшее от требования, напоминающего парализующий отцовский приказ, другое, не менее испуганно, старалось всеми силами не подвести учителя и как-то собрать в голове вспоминающиеся строчки, одновременно пытаясь утихомирить безумство первого существа – нет, это не отец, учитель добрый... тут кто-то из детей начинал тихим шепотом, прикрываясь книжкой, подсказывать, и в голове Лили рождалось третье существо, которое шептало: «...нет, никто не верит в то, что ты хоть что-то знаешь, да ты и сама в это не веришь!...» «Ну как же, – являлось четвертое, – вот прямо перед моими глазами висят страницы нужного параграфа, я просто могу прочитать все как есть...» «Если ты прочитаешь все как есть, – скептически возникало пятое, – скажут, что ты тупая зубрила, а надо все рассказать своими словами!» «Как ясно, правильно и умно написано в учебнике, – шелестело следующее, – мне никогда своими словами этого не повторить...» «Ну давай же уже, все ждут,

что ты молчишь?..» И Лили ничего не оставалось, как утопить их всех потоком слез... Вот когда она их утопит и успокоится, тогда она все расскажет, но не каждый учитель это понимал.

Мама не ругала Лили, она приходила к учителю и объясняла, что такой вот ребенок. И Лили умудрялась сдавать экзамен, сказав два-три ключевых слова на каждый наводящий вопрос. Отец кричал: переводи в другую школу или пусть не учится совсем, возьмут куда-нибудь уборщицей! И мама снова плакала.

Еще было ужасно, когда кто-то заболел – отец категорически не мог этого терпеть, он кричал: все ерунда! она не болеет! – и глаза его при этом быстро бегали, будто желая убежать от самих себя. Он пытался обмануть себя и всех, потому что не мог сидеть у постели больного, но не мог быть спокоен со знанием того, что кто-то в доме болен. Я думаю, это от собственного бессилия: он может помочь, но что-то в нем постоянно сопротивляется этому – это очень тяжелая борьба. Но мама и Лили болели довольно часто, вероятно, только болезнь могла дать им хоть какую-то передышку в этом нескончаемо нервном напряженном существовании. И часто от отца это приходилось скрывать.

Единственный выход, чтобы Лили смогла выжить в дальнейшем, это выйти замуж – так считала мама, и муж Лили, уж конечно, будет не Полосухин – этот факт успокаивал ее больше всего. Но, увы. Лили не хотела быть ничьей женой, она боялась любой особи мужского пола, даже если это не потенциальный жених – она не могла отвечать преподавателю-мужчине, она шла в другой магазин, если продавец – мужчина, она не вставала и не садилась рядом с ними в очереди и автобусе, и даже мальчишек сторонилась, если они были не совсем малыши, и уж тем более сверстников.

Окончив школу, Лили постриглась «под мальчика» и стала носить брюки и мужскую клетчатую рубашку. Так ей было спокойнее. В университете, куда она поступила на филологический, ее мальчишеская фигура не привлекала внимания сверстников, общение с девушками ей тоже не совсем удавалось.

Так Лили опасливо пробиралась по жизни, непрестанно шарахаясь от любого взгляда извне и пугаясь проявлений собственной сущности, как тень, все время прячась и стараясь, чтобы ее никто не замечал. Так длилось, пока она, совершенно отчаявшись хоть что-то переменить в своей жизни, не решила родить ребенка. И было ей на тот момент двадцать семь лет, когда Лили окончательно поняла, что уже пора сделать какой-то решительный шаг, который будет бесспорным в глазах родителей – таким же бесспорным, как замужество или мистер Тройлебен.

Надо сказать, что Лили никогда не думала, что так уж важно и необходимо в жизни найти свою половинку. Она чувствует себя частью Хаоса, оформленной, но все же подобной Хаосу, то есть совершенно самодостаточной, имеющей в себе и женское, и мужское, и все прочие начала. К тому же Лили, в отличие от своей тетушки, баюкающей сердце вместо младенца, знала древний обряд зачатия от лунного света – не знаю, с какой звездной пылью просочилось это в ее сознание, не знаю, верить в это или нет, но сынуля появился, и я не знаю, как могло быть иначе.

Это и многое другое хотела бы Лили рассказать господину Тройлебену, когда бы встретилась с ним. Но сначала она поняла, что хочет сшить платье. Лили нашла в шкафу отрез ткани, который когда-то купила в маленьком магазинчике только из-за того, что он был синего цвета и с серо-стальными цветами, и еще потому, что на ощупь ткань была похожа на лягушечью шкурку. Лягушечья шкурка капризничала, пришлось покупать новую иголку для швейной машинки, долго подбирать нитки и прокладывать ткань бумажными полосами. Когда платье было готово, к нему явно не доставало украшения. В его поисках Лили обошла много магазинов, долго и мучительно вглядываясь в бесконечное множество всяческих штучек, и не раз уже ей хотелось бросить эту затею, но она с одержимым упорством продолжала искать, будто

только тогда, когда она найдет то, что ищет, сложится некий код, без которого ничего дальнейшего не будет.

Лили вернулась домой в синем платье с серо-стальными цветами и россыпью прозрачных синих кубиков на шее. Она была будто рыба, вернувшаяся в свою родную водную стихию, отмывшая свою чешую, вдохнувшая, наконец, просторы бескрайнего океана после тухлой мелкой лужицы, – блестела и переливалась. Она была так поглощена воплотившейся идеей, что даже не удивилась присутствию господина Тройлебена, главы российского филиала компании «Тройлебен и К^О», который заехал уже довольно поздно, думая непременно застать ее, но ждал уже полчаса, сидя на диване, попивая липовый чай и разглядывая альбом, в который сынуля наклеил изображения всяческих новомодных монстров. Увидев его воочию, Лили окончательно решила, что разговор должен быть коротким.

– Я хотела рассказать вам одну историю, – сказала Лили. – Когда-то, несколько веков назад, некий заморский торговец приехал в Россию и привез с собой карлика. Здесь, в России, один русский купец оказал ему очень большую услугу, я не знаю, какую, но за нее он подарил своего карлика этому купцу. Купец не знал, куда определить такой подарок, и хотел стравить его на потеху собакам, – какой еще от гнома прок? В это время гном увидел во дворе мальчишку, худого, оборванного и грязного, которого все шпыняли и называли дурачком, и сказал купцу: «Хочешь, я за три года сделаю из этого дурачка человека умного и знаменитого?» «Сделай!» – ответил купец. Через три года мальчишка стал искусным кузнецом. От этого мальчишки и пошел род Полосухиных... Это был наш далекий предок, уже не знаю даже, сколько пра-пра-пра... А гнома звали мистер Тройлебен... Исходя из этого факта, господин Тройлебен, прошу прощения, – заключила Лили, – что ваша фамилия ввела меня в заблуждение...

– Ну что вы, – возразил мистер Тройлебен, – напротив, это я прошу прощения, что вас ввел в заблуждение мой рост!

...и с этими словами мистер Тройлебен вынул из своего заграничного портфельчика фотографию, на которой сплоченной шеренгой стояли четыре улыбчивых американских гражданина.

– Это – мой дедушка, – показал он на человека в нижнем левом углу, седого с ровной, широкой, почти уже лысой бороздой на темени, – он сын того самого Карла Тройлебена, который был воспитателем вашего пра-пра-прадедушки. Еще в последние годы 19 века мой дедушка уехал в Америку, чтобы начать новую жизнь на новой земле, и к 1917 году ему удалось сделать там свой бизнес. Так появилась компания, которую он назвал «Тройлебен и К^О». С тех пор, как вы видите, мы уже не карлики-долгожители, как наши предки, но наша династия процветает!

Лили никак не была готова к такому повороту. Она пристально взглянула на правнука мистера Тройлебена, и он в это время пристально взглянул на нее, будто тоже не знал, что же делать дальше. Лили торопливо скользнула взглядом по рельефам его лица и подумала только, что он действительно очень симпатичен – ответа в этот момент в ее голове не нашлось. Кроме того, собственный неосторожный взгляд смутил ее, и она быстренько встала... и сказала:

– Может быть, нам выпить чаю?

Словно испугавшись, что она сейчас уйдет, мистер Тройлебен быстро заговорил:

– Самое интересное, что я узнал все это всего несколько дней назад и только благодаря вам. Когда я прочитал ваше письмо, то подумал, что, скорее всего, это какой-то бред. В Америке много людей сходят с ума от элементарного страха оказаться на улице; я выяснил, где вы работаете, какая у вас зарплата, и подумал, что вы, возможно, действительно на грани сумасшествия, или же вам заплатили конкуренты, хотя, конечно, это маловероятно, да и зачем им было бы выдумывать такую неправдоподобную историю. И я убрал письмо в ящик, считая, что оно является, по всей видимости, лишь чьей-то фантазией и никакого отношения к реальности не имеет. Я почти совсем забыл о нем, но когда был в Америке и зашел поговорить с моим

дедушкой, неожиданно вспомнил и рассказал это письмо, как забавный анекдот. Он спросил, почему я не привез письмо с собой, и сказал, что все в нем – правда. Что это он по преемственности поколений должен был вслед за своим отцом Карлом Тройлебенем стать еще воспитателем вашего отца и вовремя отправить своего родителя на покой, но поступил иначе, в то время как Карл Тройлебен оставался при своем деле до конца, возможно, даже надеясь на возвращение своего сына, то есть моего дедушки. Раньше мой дедушка говорил лишь о том, что в России в то время было плохо, и он решил уехать, и что в Америке надо жить сегодняшним днем... Мы решили, что эта история пока должна остаться между нами, не потому что она сможет как-то помешать нашей репутации, а только потому, что, возможно, она может нарушить привычный образ жизни нашей семьи, сложившийся за эти сто лет... Хотя, мне кажется, дедушка очень рад, что эта история обнаружилась, он сказал, что теперь, наконец, может сесть и записать всю богатую и удивительную родословную Тройлебенов, такую, что не только мы, но и все наши потомки будут ею гордиться...

– Почему же он раньше не делал этого?

– Я тоже задал ему такой вопрос. Он ответил, что так был увлечен своим бизнесом, что просто забыл об этом.

Задумавшись, Лили прошла в кухонный закуток, налила две чашки липового чая с медом и принесла их. Мистер Тройлебен глотнул из чашки, удивился и продолжил:

– Я вернулся в Россию и снова забыл о письме, и не думал об этой истории, так как бизнес, которым я теперь занимаюсь, требует много сил, если не сказать, что практически все мои силы. Но сегодня ночью мне пришла в голову одна мысль: я подумал, что жить один на один с такой неправдоподобной историей, которая не имеет доказательств и, выходит, получается совершенно нереальной, должно быть, невыносимо тяжело, так что со временем, наверное, сам становишься сомневаться в собственной... адекватности. Сначала я хотел написать вам письмо и подтвердить, что эта ваша история не выдумка и не бред сумасшедшего, но потом я подумал: может, вам нужна какая-нибудь помощь? Я охотно помогу. Я могу дать денег или сделать что-нибудь еще...

– Нет, мне ничего не надо, – ответила Лили. – Достаточно того, что вы пришли и подтвердили факт существования своего прадедушки... ведь, возможно, действительно, со временем и я начала бы в этом сомневаться...

– И все-таки, я думаю, – сказал, подавляя зевок, мистер Тройлебен, – многое в этой истории сильно преувеличено, именно поэтому она и кажется такой неправдой, а на самом деле, скорее всего, была более заурядной...

Тут мистер Тройлебен слегка прикорнул и скоро заснул на диване, постепенно во сне все увереннее занимая всю его площадь. Лили укрыла его покрывалом и ушла спать к сынуле в соседнюю комнату.

Проснулся мистер Тройлебен только утром, когда все были уже на ногах и собирались по своим занятиям. Сынуля, как всегда, опаздывал в школу и отказывался завтракать. Мистеру Тройлебену пришлось съесть с ним тарелку молочной рисовой каши и пообещать подвезти его до школы на машине.

Выходя из автомобиля возле школы, сынуля был невообразимо горд и важен, а главное, феерически счастлив; это настолько умилило мистера Тройлебена, что тревога о делах, застывших без него в офисе, вновь на некоторое время покинула его, и он предложил подвезти Лили, куда ей нужно. Вместо этого Лили привела его в парк.

Валентина была уже там, она стояла в телогрейке возле будки с кнопками и рычажками, смотрела вверх, на огромное колесо с сиденьями для катающихся, и кричала:

– Ну что, Алевтина, давай, подтолкни!

Среди кресел смутно вырисовалась еще одна фигура в телогрейке и отвечала:

– Извини, Валь, я еще зубы чищу!

– Ну, нашла когда зубы чистить! – кричала ей Валентина.

– Ну, Валь, – отвечала та, – мне теперь их постоянно чистить надо, а то к твоей карусели никто за километр не подойдет, – и рассмеялась.

Наконец они карусель запустили. Алевтина все стояла наверху, и сразу даже непонятно было, что качели, крутясь, проходят сквозь нее. Стояла, следила за ходом и болтала:

– ...а мой-то муж положил мой гроб в лодку, и мы поплыли... хорошо... Ты думаешь, почему старые люди ходят на похороны? – посмотреть, что остается после того, как человек умирает, как пусто становится в доме, как его не хватает...

Валентина внизу, подметая нападавшие за ночь листья, улыбаясь, ворчала:

– А я думала, ты мне помочь пришла...

Мистер Тройлебен застыл, глядя, как призрак движется сквозь сиденья по ходу неподвижной карусели. Парк был пуст, и только Валентина все мела и мела листья и разговаривала с призраком подруги.

– Вот видите, – сказала Лили, – на самом деле вокруг немало людей со своими неправдоподобными историями...

– Но я никогда раньше не встречал... ничего подобного.

– Может быть, потому что раньше это вас не касалось, а теперь, как оказалось, вы сами – часть такой истории...

Мистер Тройлебен сел в автомобиль, растер пальцами лоб и виски, потом, нажимая на кожу, сделал ладонями круговое движение по лицу с подбородка до темени, будто снимая налипшую маску, повернул ключ, взялся за руль, нажал на педаль, машина мягко пошла, и мистер Тройлебен вспомнил, что сам вчера отключил телефон и оставил его в салоне, поскольку отвел на беседу с Лили максимум двадцать минут.

Глава четвертая

О том, что случилось после прилета пчелы

- Расскажи мне сказку, – просит на ночь сынуля.
- Какую? Ты же знаешь, я не помню сказок, я в них живу... – говорит Лили.
- Ну, про гуси-лебеди.
- Жили-были гуси-лебеди....
- Нет, жили-были муж с женой, и у них дочка и маленький сыночек.

– Да, правильно, поехали муж с женой на ярмарку в город, а дочке наказали следить за братцем. А она братца под окошко посадила и убежала с подружками играть. Налетели гуси-лебеди, схватили мальчика и унесли к Бабе-яге. Вернулась девочка – братца нет, и пошла его искать. Шла, шла и встретила... кого она там встретила?

– Я не помню.

– И я не помню... значит, никого не встретила. Ходила, ходила, вокруг – никого. К дому вернулась – и дома нет. Ничего вокруг нет, никого тоже нет. Пошла она искать хоть что-нибудь, а навстречу ей Баба-яга – кинулась на девочку и проглотила ее. Провалилась девочка к Бабе-яге в живот и нашла там свой дом и братца, и родителей, и деревню свою, и всю страну Россию с ее народом, который эту сказку придумал, и всю землю с морями-океанами, материками и странами...

– Это мы все в животе у Бабы-яги, что ли?

– Выходит так.

– А-га-а, такого не бывает.

– Здесь не бывает, а может, где-то есть?..

Маме не нравятся такие сказки, она возмущается, стыдит, ругается, а потом машет рукой на Лили: «Твой сын, что хочешь, то и делай!» «А разве с ним можно что-то сделать? – удивляется Лили. – Он уже есть, как дерево, камень или вода – такой, какой есть. И мои сказки ему не нужны. Хотя мне бы, наверное, хотелось, чтобы он не боялся кроить и перекраивать этот мир, как ему вздумается, – ведь это самый чудесный материал, при помощи которого можно воплотить все, потому что возможностей в нем всегда гораздо больше, чем мы можем придумать, и более того – чем больше мы им пользуемся, тем больше его становится... Но сейчас сынулю в основном интересуют реальные вещи, например, есть что-нибудь вкусненькое поесть?»

«Ну, завелась», – ворчит на Лили мама. Ее волнуют только реальные мысли, она всегда спешит и постоянно куда-то или что-то не успевает. Она без конца находит дела, и среди них обязательно есть неотложные, и сетует, что обо всем приходится думать самой и делать, практически, тоже. Книг она не читает, несмотря на то, что сама, когда работала в книжном магазине, собрала библиотеку, на первый взгляд, со случайным подбором книг, на самом же деле это были книги дефицитные и пользующиеся спросом в то время; на кино и театры она не тратится, а смотрит один сериал в одно и то же время, и это ее единственное отдохновение от мирской суеты. Такого количества энергии, сколько она могла потратить за один день, нет, к сожалению, ни в одном из нас. Ради того, что ей срочно понадобилось, она может в поисках объехать весь город, найти и купить на пять или даже десять рублей дешевле, чем в других магазинах. Лили не раз сопровождала ее в утомительных экономических поисках, но повторять этот подвиг ежедневно она не могла, ни физически, ни морально. Походы по магазинам Лили изматывали, у нее нарушался сон, и еще несколько дней ее память навязчиво перебирала все детали о производстве, качестве и возможностях искомого предмета, которые Лили узнавала в процессе, а в ее снах повторялись мучительные эпизоды поиска чего-то среди прилавков или невозможность вспомнить, что же еще надо купить, от безвыходности которых она

просыпалась, как от кошмара. Мама же, как выяснялось наутро, даже и не слышала многого из той информации, которую умудрялась услышать вчера Лили, и не видела многое из того, что видела вчера Лили, так что послушай их, и покажется, будто ездили они вчера порознь.

Лили непрактичная, как отец, она или слишком углубляется в дело, или вообще не думает о нем. Маму это раздражает, ей хочется, чтобы дочь была, как она – энергичной, хозяйственной, но Лили всякий раз трет стекла в два раза дольше и переклеивает обои, если одна полоса нашла на другую или не очень совпал рисунок. Мама начинает злиться, делать все нарочито быстрее, рывками и с грохотом, и тогда Лили понимает, что нужно поторопиться... и от этого у нее только все вываливается из рук и ничего не получается...

Однажды маме в рот залетела пчела – когда она, тяжело дыша, поднималась в гору. Она шла из больницы, где навещала племянницу, решила сэкономить на автобусе и пошла до дома пешком вдоль деревянных домов частного сектора, где в такую жару и собаки по улицам не ходят. К тому же, как всегда, торопилась, но по дороге еще купила помидоров, которые на том рынке оказались дешевле, чем у нас. Так ее и подобрал случайный водитель «газели» и вместе с помидорами привез в ближайшую больницу.

Слава Богу, она не вдохнула ее и не проглотила. От укуса у мамы распухла нижняя часть лица, поднялись температура и давление. Лили к ней пустили только на следующий день, когда перевели в общую палату. Мама не могла говорить, только глухо гудела голосом на разные тембры, давила в супе картошку и глотала, не разжевывая. У нее была плохая кардиограмма, и врач сказал, что хотя бы дней пять она должна полежать обязательно.

Без мамы в доме стало тихо. Лили в наступившую субботу, как обычно, выстирала все белье, везде убрала и помыла, закупила на рынке то, чего не хватало, по привычному перечню продуктов, и приготовила еду...

Пока не было мамы, отец стал готовить завтраки сам, так как раньше всех просыпался. Он даже иногда по вечерам играл теперь с сынулей в шахматы и учил его игре в покер.

В понедельник Лили, впервые за всю жизнь сынули, отправив его в школу, полдня пролежала в постели, ничего не делая и не мучаясь этим: не надо было оправдываться, и даже необходимость готовить ужин к шести часам и обед к часу – оказалась не такой болезненной и не такой патологически необходимой. Оказалось, что ничего не рушится, если не делается сию минуту, что больше не надо никуда нестись, падая под грузом бесконечных неотложных дел.

Каждый день Лили по два часа сидела в больнице. Она было хотела попросить маму написать на листочке, какие дела нужно сделать дома, но подумала, что мама, наверное, тоже хочет отдохнуть от домашних забот и не думать о них.

Лили лежала в спальне на полу, глядя в потолок. Ей казалось, что она – тюбик, из которого выдавлена часть содержимого, а это содержимое и есть настоящая она. И она – бесформенная масса – без тюбика совершенно незащитна и нелепа в таком состоянии, и вот часть ее уже долгое время так болтается, пытаясь как-нибудь удержаться, и мучается, и не понимает, что же не дает ей вернуться на свое место. Но вот теперь Лили увидела, что ее вытесняют из себя все те накопленные и разрастающиеся страхи, – если избавиться от них, то можно вновь вернуться в себя. Под вечер Лили рвало – ей хотелось избавиться от этой мути, которой она захлебывалась все эти годы...

Лили закрывала глаза и понимала, что надо, пора и теперь уже можно закрыть ту дверь в прошлое и забыть, а значит, уничтожить все, что скопилось за ней, – пройдут годы, все смешается, и останется только то, что было, и будет оно уже ни плохим, ни хорошим. Уже пришло время закрыть дверь и остаться без страха в темноте...

Лили танцевала – маленькая красная светящаяся точка, и темнота вокруг нее становилась бархатно-фиолетовой. И уже почти уверенно казалось, что новый мир можно начать

с чего угодно, например, с красной точки в темноте; и это движение единственной заряженной частицы в бесконечности полной пустоты убаюкивало, усыпляло, погружая Лили словно в сон, но скоро своим же смирением, обреченным на свободу бездействия без помех, начало болезненно раздражать и искать уже то, с чем можно столкнуться, потому что без этого столкновения вся энергия красной точки бездарно напрасна – наверное, в мире ничто еще не было так напрасно. И снова неизбежно вернулась она к закрытой двери, из щелей которой тут же потянулись щупальца прежнего...

Ерунда! Полная ерунда! Все эти теории никуда не годятся! Нельзя убежать, закрыться, отгородиться глухой стеной от того, что живет в тебе, кричит и томится, как в клетке. Страхи – маленькие зверьки, порожденные в моменты болезненных столкновений с окружающим миром. И невозможно от них отвернуться – они постоянно напоминают о себе и питаются новыми: на проходящую мимо собаку тут же рычит пес, испугавший нас в детстве, и скулит страх, запертый нами когда-то... у каждого свой зверинец...

Одно понимала Лили: «я другая...» Но – какая?

Опухоль спала, но мама продолжала молчать, и врачи не могли объяснить, почему, предполагали, что это у нее такое проявление нервного шока. Хотя она всеми силами пыталась им сказать (писала на бумаге, мычала и тыкала пальцем), что лежать больше не хочет и уйдет домой, ее не выписывали и не отпускали. Но на человека в состоянии шока она вовсе не была похожа, язык тоже не имел признаков парализованного объекта, двигался как живой, однако свою прямую функцию не выполнял. Тогда мама сама стала писать Лили записки о том, что нужно сделать дома, и когда в одной из записок она написала «поменять покрывала», Лили с готовностью поняла это буквально и купила новую ткань, и сменила старые серо-буро-коричневые немаркие покрывала на бежевые с растительным орнаментом, а также заменила клеенку с кухонного стола на желто-оранжевую скатерть, на кухне появились прозрачные, цвета весеннего салата, занавески и некоторые другие мелочи.

Неожиданно Лили стало спокойно: она неторопливо, в своем, найденном теперь, органичном для нее размеренном и плавном ритме делала все, что надо, и не беда, если что-то забывала – без труда нагоняла упущенное, и уже без надрыва, без страха, без истерики. Она с удивлением прислушивалась к этому новому ритму внутри себя и удивлялась, что, делая все, что и прежде, под эту новую музыку она не только не напрягается, но, наоборот, напряжение, которое въелось в каждую ее клеточку за долгие годы, пока она боялась, ошибалась, искала и сопротивлялась, теперь ослабевает, отпускает. Лили танцевала. И слушая теперь себя, она понимала, что все, что было раньше, было чем-то странным, непонятным, неизвестно откуда взявшимся, и что это была вовсе не она, потому что на самом-то деле она, Лили, оказывается, совсем другая...

Когда мама, наконец, заговорила, выписалась и появилась дома, первый ее возглас был: «Это ты чего тут наделала?» Вскоре прежние покрывала, занавески и клеенка постепенно вернулись на свои места. Шахматы и покер отменились сами собой – теперь сынуля вновь изредка играл с бабушкой в лото или дурака. В дом вернулся прежний миропорядок.

Вечером, уже лежа в постели и разглядывая стену возле кровати, Лили пожалела, что не поменяла обои, пока мама была в больнице, – уж их-то никто бы не смог вернуть обратно. По серому фону были пущены крупные зеленые листья и мелкие бледные цветки. Лили казалось, что она в корзине, жесткие прутья которой обложили внутри сорванной зеленью, а сверху накрыли платочком – белым потолком. Она снова чувствовала себя здесь рыбой, пойманной рыбой без воды.

С той самой ночи у Лили начался жесточайший невроз. Как только она ложилась в постель, у нее начинало бешено колотиться сердце. И ничто не могло его успокоить, можно было только тихо сидеть в темноте. Лили пыталась читать, но ничего не понимала из прочитан-

ного, возвращалась вновь и вновь к началу, перечитывала и снова не помнила, о чем это было. Часам к двум ночи эта неясная безумная тревога из сердца перебиралась в желудок, и к горлу подкатывала тошнота, тогда Лили вообще никак не могла найти спокойного положения... часа в четыре утра ее рвало, она умывалась и только после этого засыпала на пару часов. Вставать приходилось, чтобы отправить сынулю в школу, больше в течение дня заснуть она не могла.

Лили пробовала пить снотворное, но сердце не утихало, а в голове при этом появлялось ощущение, похожее на скрежет – будто что-то там упорно отторгало массированный напор химических элементов, призванных насильственно усыпить восставший, устроивший «голодовку» мозг. И элементы, несущие насильственное расслабление, постепенно растворялись, таяли где-то там, на полпути, так и не достигнув той зоны, на которой они могли бы осуществить свое воздействие.

Так продолжалось несколько дней. Реальный мир обрушился на Лили всей своей воплощенной вещественной красотой и стал сжимать ее в своих тисках. Он лишил ее единственного источника энергии для существования и что-то требовал взамен за возвращение к материнскому лону Хаоса. Но что?

Лили тщетно пыталась попасть к неврологу. Она знала, что и не нужно к нему попадать, важен процесс: приход в поликлинику и время, которое можно провести в раздумьях с самой собой, сидя в коридоре в полудреме, как та полусонная бабушка, похожая на персонаж из мультфильма. И вот в один день, когда Лили просидела там особенно долго и шла уже домой, она поняла, что домой ей не хочется, и решила дойти до Рождественской и пройти по ней с другого конца улицы.

В центре города развернулось строительство нового комплекса, и Рождественская теперь заканчивается посреди города, там, где ее пересекает старый пятиэтажный дом, который постоянно достраивали и достроили так, что улица выходит на другую через арку этого дома. И вот Лили вошла в арку и увидела куцию, уже свою родную улицу, и остановилась. Слева вдоль дома к ней подходила кудрявая белокурая женщина... Наталья Андреевна? – спросила себя Лили и шагнула ей навстречу.

– Здравствуйте, вы Наталья Андреевна?

– Да, – и приподняв брови, и слегка склонив голову, одним взглядом задала Лили встречный вопрос.

И Лили рассказала, что знает она ее из своего сна, и рассказала ей тот сон, где ее обливали водой, а потом обнимали деревянные люди...

Потом они пошли к Наталье Андреевне и заварили тот самый чай, который как раз по дороге зачем-то купила Лили.

Наталья Андреевна посадила Лили на стул, долго держала ладонь у спины, там, где начинается шея, и потом возле затылка. Лили закрыла глаза и почувствовала, что в ней плещут волны неведомого океана. Она увидела, как волны выбросили на отмель рыбу, но оказалось, что это птица, упавшая, раскинувшая крылья, уставшая бороться со стихией.

– Это *там* ты – как *рыба* в воде, а здесь ты должна быть как *птица*, – сказала Наталья Андреевна. – Жизнь требует от тебя иного воплощения. Ты должна воплотиться *здесь* так же, как воплощаешься *там*. Как там ты сумела стать *рыбой*, так здесь ты должна стать *птицей*. И если ты этого не сделаешь, то очень скоро погибнешь.

– Но как и что я должна воплотить?

– Послушай себя. Скорее всего – твои страхи, как правило, в них скрыт источник энергии. Вскроешь их – будешь жить.

В снах Лили часто попадала в один и тот же город. В этом городе была самая солнечная и самая широкая улица-площадь, покрытая брусчаткой, по ней местные жители и приезжие гуляли, как по набережной. Улица заканчивалась железнодорожным вокзалом, большой желез-

нодорожной развязкой, и если спускаться по ее левой стороне, то на углу там будет клумба с цветами, с краю которой старый железнодорожник часто втыкает штыковую саперную лопату. Рядом у него подсобное помещение, и клумбу он засаживает и ухаживает за ней сам. Может быть, он здесь и живет, в этом подсобном помещении, потому что встретить его там можно всегда. А если идти по правой стороне, то придешь к зданию вокзала. Поездов здесь много. И каждый житель города наверняка знаком хотя бы с одним железнодорожником. И Лили знает одного машиниста тепловоза, он ее сосед.

Двухэтажный дом, в котором, быть может, Лили живет, находится на другой улице. Дорога и тротуары здесь тоже мошечные, и улица довольно широкая, потому что это тоже одна из улиц «старого города». Здесь только двухэтажные дома. Прямо у дома Лили стоит небольшой памятник печальному клоуну.

Здесь есть музыкальная школа, через небольшую площадку напротив ее входа растет большой дуб, которому несколько сотен лет. Если свернуть за угол школы направо и спуститься вниз, то на другой стороне улицы будет тянуться долгая железная ограда, и за углом в ней выломано несколько прутьев, а несколько погнуто. Здесь можно пройти прямо на старое кладбище с растресканными плитами, поколотыми столбиками – последняя роскошь забытых княжеских фамилий, похороненных на территории некогда стоявшего здесь монастыря. Забором кладбище соединили с парковой зоной. Огромный парк на холмах. Только небольшую его часть занимают типовые аттракционы и развлечения, а дальше вокруг – дремучий лесопарк, с одной стороны слегка облагороженный, с дорожками для велосипедов и прогулок, а с другой – дикий, с обломками заброшенной часовни и кладбищем. Дикие дорожки парка могут вывести, кажется, в самые неожиданные места, и, наверное, многие местные жители таким образом укорачивают пеший путь, вместо того чтобы в окружную ехать на автобусе. Но официальный вход и выход из парка только один, остальное – выломанные прутья. Потому и неожиданным становится, когда из этого леса – взобравшись на пригорок, миновав ограду, поднимаясь все выше и выше, – вдруг попадаешь в центр самого современного и благоустроенного района, к светящимся рекламам, многоэтажкам и оживленному шоссе. Каждый раз удивляешься и, обернувшись, не понимаешь, как сюда попал – никаких следов леса за спиной как будто уже нет.

Этот город Лили знает лучше, чем тот, в котором реально живет. Ей нравится попадать на его улицы, а здесь, кроме Рождественской, ей не хочется идти никуда... Но сон – это такая каверзная штука. Особенно теперь, когда реальность без конца отрывает от сна...

Теперь в кусках непродолжительного сна Лили закапывают в холодную, сырую, но черную и плодородную землю, Лили сгибается от тяжести давящих на нее кубов и просыпается от боли, с Лили сдирают кожу и мясо, и она – оживший скелет птеродактиля – должна нарастить себе перья... Но как это сделать? Как?

Страхи. Вскроешь их, как нарывы, вцепившись руками в разорванную плоть и глядя в глубину твоей преисподней, поймешь, насколько они жалки...

Теперь Лили постоянно чувствовала навязчивую необходимость в каких-то нелепых вещах. И это не давало ей покоя, постоянно теребило ее, не давало отдохнуть и уйти в желанный лечебный сон. Будто сразу один за другим в ней стали верещать все зажимы и прищепки, перекрывавшие доступ воздуха: «Открой меня!!!» И не успеешь справиться с одним, как начинается пищать другой. Например, ее стала терзать мысль, что ей нужно пойти в парикмахерскую. Боже! Какая напасть! Парикмахер!!! Зачем?! Лили никогда не была в парикмахерской, но как же мучительно было искать *ту, которая нужна!* Чтобы это была именно *та* девушка, которая сможет сделать Лили именно *ту прическу* – какую, Лили не знала сама. Как просто – во сне ты всегда без усилий попадаешь туда, куда надо, а здесь оказывается мучительно сложной каждая вещь! Но когда Лили наконец нашла *того* парикмахера, она почувствовала, как открылся зажатый клапан, и из него фонтаном брызнула живительная сила – сила жизни. Она шла по серому городу окрыленная, как во сне, и чувствовала, что – да, похоже, у нее начинают

появляться первые перышки на ее изможденном замерзающем теле. И если так пойдет дальше, то, может, она и научится жить здесь так же безмятежно, как во сне?

Все, чего боялась Лили – свою женственность, свои умения, свои желания и чужие взгляды, свой ритм, – все по кусочкам надо было вытаскивать из себя и воплощать. Лили настояла на ремонте, она переклеила обои, поменяла в комнате старый исшарканный линолеум и по крупицам, как было возможно, меняла все вокруг себя... И мир вокруг нее менялся, и менялась она сама – становилась более осязаемой, что ли, более вещественной, в отличие от того призрака, непонятного фантома, которым казалась раньше, когда могла незамеченной входить и выходить из дома, сидеть в своем уголке на работе, стоять в магазине в ожидании продавца.

Но бессонными ночами, оглядывая обновленную комнату, она тихонько плакала. «Я – птица, теперь я тупая птица, я व्यю свое гнездышко, я бегаю в поисках вкусного червячка для ребенка, новых туфель, обоев, полки для ванной... я чищу перышки и прихорашиваюсь перед зеркалом, я начинаю уже чирикать иногда с соседками, и уже мужчина с третьего этажа смотрит на меня подчеркнуто-вежливо, а бабки кудахчут, что он разведенный...» – плакала ночами Лили и не могла смириться.

На очередной Женский день в марте, неожиданно нарушив кухонную традицию, ей подали аккуратный черный пенал, в котором лежала сияющая матовым блеском красная авторучка. Лили взяла ее в руку, почувствовала приятную тяжесть и холодок корпуса, и поняла, что получила средство открыть еще один зудящий зажим, перекрывающий воздух для воплощения. И Лили стала время от времени записывать свои воспоминания о том, как она жила в снах. Потому что ни одна птица, как высоко бы она ни взлетела, не сможет достичь той глубины, которой без труда достигает рыба... Птичья безмятежность по сравнению с рыбой – суета сует, хотя бы потому, что ни одна самая прекрасная птичья песня не сравнится с красотой рыбьего молчания.... Ведь только рыбе доступны все моря – земные и небесные. Птица летает вокруг Земли, а рыба плавает во Вселенной... И скорей бы уж стать этой птицей, чтобы потом снова иметь возможность становиться рыбой...

Глава пятая

О Серафиме и новом полете Лили

Серафим вернулся, к всеобщему удивлению тех, кто его знал и думал, что африканцы в сибирских лагерях всегда замерзают насмерть. Но Серафим сказал, что Мордовия находится вовсе не в Сибири, а всего в 650 километрах отсюда, объяснил, что мордвы не существует вовсе, а есть эрзяне и мокшане, и рассказал, как в лагере ему помогали жить эрзянские песни, которые он выучил.

Серафим пришел ко мне, в дом на Рождественской, так как идти ему больше было некуда. Он принес авоську апельсинов и хотел повидаться с Лили и сынулей. Но их не было. Я предложил ему остаться, подождать, когда Лили придет, потому что в квартиру на Гражданскую Сима идти не решался.

Мы ждали Лили несколько дней, съели все апельсины и выпили много пива, пока решали, как же Серафиму жить дальше. Он настаивал на том, что нужно поехать в Америку и встать возле Белого дома с лозунгом: «Марк Твен – объективная историческая реальность! Верните народу его книги! Долой политическое давление на историю и культуру!» – кто-то сказал ему, что в Америке запретили романы Марка Твена. Оставалось только придумать, как добраться до Америки.

Лили сказала, что это, конечно, неплохая идея, и тут же придумала, как до Америки добраться. План Лили был, конечно, довольно долгосрочным, но другого не было.

Наутро Сима поселился на другом конце коридора – в одной из комнат, принадлежащих когда-то одной очень большой семье, которой, как мне кажется, принадлежала и наша соседка – древняя сирая старушка, все время сидевшая на пне у ворот. Но их было так много, что потеря одного из членов семьи на конечном счете, видимо, никак не отразилась.

Мы выволокли из-за сараев старую, облезлую, помятую и местами поломанную будку, которая раньше принадлежала мужу Валентины, и принялись за ее починку. Валентина отдала нам все мужнины инструменты, которые уже, наверное, лет двадцать лежали так, как он их оставил.

Сима теперь почти каждый день в самые людные часы ходил в другой район города к центральному рынку, ставил перед собой пустую коробку и пел песни на английском и эрзянском языках – так он зарабатывал. В свободное время мы с ним ходили на помойки, и вскоре в пустой комнате Симы появился письменный стол без ящиков, тумбочка без крышки, мягкий стул без спинки, но на крутящейся ножке, а также совершенно не рваный и поновее даже, чем мой, диван, клетка для попугая и маленький, но работающий холодильник.

Будку мы починили, выкрасили в желтый цвет, написали на ней «Ремонт обуви» и поставили недалеко от перекрестка, возле ворот нашего дома, а на перекрестке повесили табличку со стрелкой: «Срочный ремонт обуви». Лили подарила Симе оранжевую рубашку и новые джинсы, Сима отпустил модную бородку и стал неотразим и практически неузнаваем (разве что по цвету кожи). План Лили начал работать.

Однажды Лили сидела в своем уголке редакции, вносила последние правки в распечатанные страницы журнала и слышала, как в фойе, где обычно принимали гостей и сотрудники пили чай, под умиротворяющий запах растворимого кофе разругались издатель с редактором. Журналисты в этом издании надолго не задерживались, и это был как раз тот момент, который периодически повторялся в жизни редакции: не осталось ни одного штатного журналиста. А тут, как нарочно, намечено интервью, отказаться от которого – катастрофа, а идти некому: внештатники заняты, у издателя – конференция, у редактора – выставка... к тому же ехать

нужно было в один из ближайших небольших городов, и уйдет на это целый день. Лили даже подумать не успела, как вышла и сказала: «Давайте поеду я».

Сперва показалось, что ее даже не узнали – настолько незримо она существовала в редакции: все знали, что Лили есть, но ее никто не замечал – бесперебойно уже лет шесть с электронного почтового ящика Лили редактор получал исправленные тексты и отсылал ей новые, на распечатках неизменно появлялись кружочки, буковки и галочки, поставленные отточенным красным карандашом, на 8 Марта каждый год в уголок Лили ставили традиционную кружку или клали набор кухонных полотенец, которые неизвестно когда и как испарялись... Хотя, если поглубже вникнуть в дело, отчасти текучесть кадров в редакции существовала не только по вине низкой зарплаты, но и по усердию Лили. Часто сюда приходили журналисты совсем молодые, а еще чаще люди, решившие попробовать заняться журналистикой. Тексты их были иногда даже написаны не совсем по-русски, и Лили самоотверженно переписывала их, «переводя» на добротный русский язык. Так новоиспеченный журналист собирал здесь за год неплохое портфолио и находил себе более оплачиваемое место. «Ну вот!» – снова кричал редактор. «Опять! – возмущался директор. – У нас здесь какая-то кузница кадров! Стартовая площадка, а не серьезный журнал!» Но о причастности к этому Лили никто и не задумывался, и не догадывался.

У самой Лили тоже иногда возникали сомнения: нужно ли ей уже столько лет вести такую жизнь невидимки, но эти сомнения приходили, когда в среде окружающих – мамы и соседей, которым она рассказывала о дочериней работе, – прокатывала волна недоуменного возмущения – ну что это за работа?! Да разве это зарплата?! И тогда Лили делала робкие попытки найти работу другую, более динамичную и поденжней, но, увы, работодатели будто не видели и не слышали ее, и после уже перечисленного – грамотно составлять, исправлять, вычитывать, переписывать и писать тексты на разные темы – просили перечислить, что она умеет еще... и на попытках припомнить, что она умеет еще, Лили заваливалась окончательно. Но однажды одна сердобольная женщина с крашеными в непонятный цвет пышными волосами и мелкими лиловыми точками на лице, увидев, как Лили, краснея и бледнея, не знает, что ответить, подсказала ей, что теперь вместо «переписывать тексты» нужно говорить «рерайтинг», а ко всему перечисленному надо добавлять про умение работать в любом цейтноте, про знание навыков тайм-менеджмента (не важно, знаешь ты его вообще или нет) и обязательно про мобильность и креативность – все то же самое, сказанное по-русски, теперь не годится. И с удивлением, шмыгая носом, Лили наблюдала, как эта женщина, как заданную на дом басню Крылова, рассказывала, что она крайне коммуникабельна, мобильна, креативна и цейтнотна, и с довольной улыбкой без лишних вопросов была принята на работу, где зарплата, по меркам Лили, была просто баснословной. Лили попробовала дома перед зеркалом проговорить все то, что должна была сказать при приеме на работу, теми словами, что подсказала ей женщина, и поняла, что никогда она не сможет сказать это уверенно и всерьез – ей было и смешно, и стыдно, и тем более оттого, что она прекрасно знала русские значения этих дурацких слов.

Так потихоньку поиски работы прекращались и не поднимались до следующего колыхания назойливой общественностью этого вопроса.

Лили на всякий случай дали два диктофона – «главное, запиши разговор, а мы потом расшифруем». Дали список вопросов, научили пользоваться фотоаппаратом, заказали билет...

Мистер Тройлебен был вдохновлен и любую самую сухую газетную речь его уста теперь могли бы перевоплотить в удивительный рассказ о чудесных достижениях человечества, а новенький шредер, стоявший у него на столе – в воплощение самой запредельной мечты этого человечества. Рядом в офисных лотках и подставках были ненавязчиво приготовлены и ждали своей гильотины стопка бумаги, пара CD-дисков, скрепки и другая офисная мелочь, которую новенький шредер был готов шутя перемолоть.

Мистер Тройлебен почему-то очень долго выбирал сегодня галстук: ему хотелось надеть раритет – с темно-синими завитками на серебряном фоне – семидесятых годов времен Советского Союза, но в последний момент он сменил его на беспроегранный в мелкий горошек – журналисты ведь любят писать о разных мелочах, а заскок на галстук семидесятых в статье будет неуместен.

Скоро секретарь объявила о приезде ожидаемого журналиста, и в кабинет вошла Лили... Лили, увидев мистера Тройлебена, решила держаться так, что не обнаружит их прежнего знакомства, если мистер Тройлебен того не захочет. Мистер Тройлебен... вызвал своего помощника и сказал, что тот ответит на все ее вопросы в зале для презентаций. Лили с помощником вышли.

Оставшись один, мистер Тройлебен несколько минут задумчиво сидел за столом – впервые за несколько лет он почувствовал покой и освобождение: все мысли вдруг куда-то испарились, и было безумно хорошо в этом пространстве, в котором все растворилось, и будто бы оставалось и не было одновременно. Потом он вспомнил серебряный галстук с темно-синими завитками и понял, почему так хотел его надеть. Вот уже второй раз встреча с Лили дарила ему прекрасные минуты безоблачного отдохновения, какие бывали, наверное, только в детстве, когда качался на качелях и ощущал, что не ему приходится гнаться под действием времени, а он сам, качаясь, время создает...

Мистер Тройлебен снял с себя галстук, развязал, сунул его широким краем в шредер и нажал на кнопку. Машина загудела, и тут же в лоток потянулась тонкая лапша в мелкий горошек.

Лили все сделала: записала разговор на два диктофона и еще коротко набросала для себя в блокноте, и даже фотографии, как потом оказалось, у нее получились. Обратно она тоже ехала в автобусе, и чувствовалась уже усталость от рано начавшегося и насыщенного дня. Но день еще не закончился. Еще светило солнце, тоже заметно подуставшее за день, по голубому плыли белые облака, и Лили, сидя у окна, думала, что вздремнет часок-другой, убаюканная качкой. Но – нет. Облако на глазах у Лили медленно превращалось то в крокодила, то в коршуна, то в ящерицу... «Вот и я, – думала Лили, – плыву по небу, смотрю на землю, со мной происходят разные метаморфозы – то курица, то рак, – и я счастлива». И автобус быстрым целенаправленным ходом не мог обогнать безмятежно плывущую в небе Лили...

Глава шестая

О том, как И. В. пошла к невропатологу

В начале октября на Рождественской решили отпраздновать день рождения сынули. Купили сладостей, выставили яблоки, сливу и крыжовник, сладкую квашеную капусту, черносмородиновый морс и свежий яблочный сок, наварили желтой рассыпчатой картошки. Серафим принес апельсинов, развел костер и жарил шашлыки из курицы. Из парка, где работала Валентина, перекочевали во двор старые качели-лодочки – когда их выкорчевывали из парковой земли, нам с Симой удалось уговорить мужиков перевезти качели на пустырь возле сараев и совместными усилиями их здесь вкопать. В раскрытые окна из выставленных колонок звучала музыка. На день рождения пригласили весь класс и Ирину Владимировну.

– Весь класс?! Это ж такие расходы! – вырвалось у И. В., когда Лили позвала ее на праздник.

– Ну что вы, – сказала Лили, – мы купим только кур и сладости, а праздновать будем прямо во дворе!

И. В. покосилась на нее недоверчиво.

Тем не менее, в пятницу, сразу после уроков, она привела на Рождественскую всех одноклассников сынули. День был осенний, довольно безрадостный, сухой, ветреный, хотя во дворе за калиткой ветер не буйствовал. Изредка задували его ослабленные струи со стороны пустыря, возникшего от снесенных домишек – школа, обновляясь, расширила горизонт своего двора, благоустроилась, отгородилась чугунной с завитками решеткой, а по эту сторону остались нанесенные земляные холмы, заросшие бурьяном, и между ними, как памятник первому предпринимателю нашей округи – Славке Огурцову, туалет, тот самый, до которого он не дошел и был застрелен.

Сначала, для порядка, детей посадили за составленные в ряд столы, укрытые остатками обоев. Одноклассники нестройным хором поздравили именинника, стоявшего во главе стола. И. В., приобняв его за плечо, громко высказала пожелания от имени всего класса, мы с Лили стояли по бокам, как свидетели. Потом снова под дирижерской рукой И. В. все еще раз, уже стройнее и громче, крикнули «по-здра-вля-ем!» и после тихой команды «ну а теперь ешьте» принялись хватать с тарелок поджаренные куски мяса и к чему кто потянулся.

Именинник сел, я вспомнил, что мы забыли про салфетки, и пошел в дом, Лили проверяла, всем ли всего хватило, а к Ирине Владимировне вовремя подоспел Серафим, от которого она сперва испуганно отшатнулась. Серафим посадил ее возле костра на большую колоду, укрытую фуфайкой, а сам сел на чурбачок, поближе к огню, чтобы следить за мясом. Здесь у Симы стоял маленький столик, на который он и разложил перед И. В. шампур со свежеподжаренным мясом, стакан сока, капустку и огурчики, и, конечно, апельсин, а возле стакана с соком поставил маленькую стопочку с водкой, налил и себе: меня зовут Серафим, Сима. И. В. хотела было отказаться, но Сима хитро и очень обаятельно улыбнулся, стукнул по стопочке стопочкой и глотнул. И Ирина Владимировна выпила. Когда мы с Лили к ним присоединились, они уже говорили о пикниках и как лучше замачивать мясо.

Потом И. В. и Серафим водили с детьми хороводы, играли в кошки-мышки – каждый получил в подарок колокольчик, а тех, кому не хотелось играть с ними, развлекали мы с Лили – катали на качелях, кидали дротики в нарисованную на заборе мишень, стреляли присосками в пластиковые бутылки, рисовали клюквенным морсом и акварелью на скатерти из старых обоев...

И. В. терпеливо ждала. Она боялась показаться навязчивой, но вот уже неделю Серафим не появлялся и ей не звонил. Лили тоже не поднималась в класс, да если бы и поднялась, И. В.

не стала бы спрашивать о Симе. Не стала бы. Поэтому и не вызывала, но надеялась столкнуться с ней ненароком на улице и, выходя из школы, вглядывалась в похожие фигуры, оглядывая школьную площадку, и по пути домой – может, Лили ходила на рынок и идет обратно... и, может, она сама ненароком скажет, куда подевался Серафим.

Наконец, она решилась позвонить – просто спросить, все ли в порядке, может, что случилось, надо помочь – и, найдя номер, отчаянно нажала на кнопку вызова. Вместо Симы ответил женский голос и сказал, что такого номера не существует.

Тогда после уроков И. В. нерешительно направилась к дому на Рождественской, решила, что заходить не будет, а если кого увидит, скажет, что пропал Пучков, и она подумала, может, сюда прибежал покататься на лодочках.

Уже издалека она удивилась, как за такой короткий срок весь двор зарос – да еще в ноябре! – сухим безлистненным бурьяном, а приглядевшись, поняла, что зарос и дом, будто в нем не живут давным-давно, и в нерешительности остановилась. Может, я подошла не с той стороны? – предположила она. Вернулась к школе, дошла до перекрестка, свернула налево, прошла короткий квартал и снова налево... здесь раньше стояла Серафимова будка «Ремонт обуви». Теперь ее не было. Дом страшно темнел пустотой, окна его были забиты... он весь кособоко осел, погружаясь в травное забытие, припорошенное серым снегом, как безнадежный больной, чернеющий и высыхающий, тихо погружается в мутное облако смерти. Дальше, где площадь была разровнена, как вспаханное поле, грязно-желтенький экскаватор, урча, копал яму, по-детски высоко задирая ковшик, и строители в красных жилетах – как жучки-солдатики – сновали вокруг...

Возвращаясь, на желтой стене углового дома она увидела, что и улица эта вовсе не Рождественская, а Володарского... и что это значит, могла прояснить, вероятно, только Лили...

Сизиф Петрович принимал теперь только по талонам – он сам попросил об этом, не ради того, чтобы не было очередей, а с тем, что, взяв талончик к невропатологу за неделю до встречи с ним, кто-то за эти дни сам решал свою проблему: находил средство успокоить себя народным способом – траволечением, купаниями или самоубийством, либо ехал в ближайший монастырь, где батюшка бил палицей по больным местам и многие утешались. Или, может, часть больных пойдет, наконец, к психотерапевту, который, увы, не только этим «психо» внушал уже людям недоверие, а и всякими историями, ходившими о нем в народе. Говорили, например, как привела к нему жена своего мужа, которого навязчиво стали мучить страшные желания: «То он хочет новый дорогой фотоаппарат с девятого этажа выкинуть...» «Ну и пусть выкинет!» – с улыбкой сытого питона советовал психотерапевт. «То хочет глаз себе выколоть...» «Ну и пусть выколет!» – говорил психотерапевт... Пришел муж домой довольный, выкинул с балкона новый дорогой фотоаппарат, изрезал в лоскуты часть своей одежды и пару платьев жены и чуть не выколол себе глаз – жена помешала, а он стал ее бить и кричал: «Не мешай, мне доктор прописал!» Она закрылась от него в ванной и вызвала скорую. Одни советовали ей подать на психотерапевта в суд, другие говорили, что бесполезно, психотерапевт – он тоже заложник своей методы и не виноват, что не ко всякому организму она оказывается подходящей.

Но убежденные, что все болезни от нервов, и что они «не психи», люди, идущие к невропатологу, не убывали, и, как всегда в таких случаях, знакомые знакомых через знакомых находили талончик на нужный день.

Несколько дней подряд Ирина Владимировна упрямо набирала номер Симиного телефона, и ей каждый раз отвечали, что такого номера не существует, и от этого каждый раз она звонила все смелее. Все остальное время она ждала, что Серафим позвонит сам. По вечерам она пыталась доказать себе, что все кончено, что это был сон, или этого вообще не было, что смешно даже думать, будто на нее, уже стареющую тетку, может кто-то позариться, тем более

Серафим – симпатичный, веселый экзотический персонаж, наверняка, любимец женщин, да и выглядит он, наверное, моложе, чем она. Тут она пыталась вспомнить Серафима, взглянуться в него и понять, сколько же ему лет, но это удавалось как-то смутно, в общих чертах, и никаких особых отличительных черт в облике Серафима не обнаруживалось, как и раньше, при встречах, глядя на него реального, она не могла понять его возраста. А может, потому она и не может хорошенько вспомнить его, что он не настоящий, как говорила Лили? Ведь у каждого человека, особенно когда с ним близко общаешься, есть запоминающиеся черты, а у Серафима – нет, оттого что и его самого не существует. И опять все сводилось к тому, что она так и состарится и умрет в своей комнатке общежития, день за днем утопая в слезах одиночества. И, переполняясь жалостью к себе, И. В. долго плакала.

Наконец, за чашкой чая на задней парте, она рассказала одной своей давней приятельнице из параллельного класса о том, что вот познакомилась она с хорошим мужчиной, а он исчез, и эта потеря ее сильно мучает, и что, кажется, теперь, в этом возрасте, пережить она этого не сможет, что у нее давление скачет и головные боли, и в ушах звенит, и спит она совсем плохо. Но про Лили ничего не сказала. Учительница эта – бывают такие, кто любит всегда обращаться за помощью к врачам, – посоветовала ей сходить к Сизифу Петровичу, и сказала, где взять талон, чтобы попасть к нему без очереди.

И. В. отправилась к нему на следующий же день, но весьма нерешительно. Всю ночь она думала, как же и что же рассказать невропатологу – оказалось, рассказывать о своей неудачной любви было стыдно, неудобно и совсем не хотелось, будто каждое повторение этой истории вновь и вновь еще больше укоренит ее теперешний взгляд на сложившийся факт и у чужих, и в ней самой, что еще ужаснее. Иной же взгляд на эту историю был больше похож на бред. Так в итоге ничего конкретного не решив, она, проспав всего два с половиной часа, утром позвонила в школу, сказавшись больной, потом не торопясь оделась и отправилась в поликлинику с мыслью, что нехорошо подводить человека, доставшего ей внеочередной талон.

В кабинете она устало сидела, молча рассеянно глядя тяжелыми глазами на древесную полированную плоскость стола и локоть в белом рукаве, который покачивался от того, что Сизиф Петрович размашистым почерком изображал в ее карточке стаю летающих галок.

– Ну-у, что же вы молчите? – спросил он, поднимая бровь круглого, вполне довольного собою лица.

Мучительно ища ответ – она все утро надеялась, что в нужную минуту он выплывет сам, – и не находя правильный, она выдавила:

– Я устала, я больше так не могу... – и в глазах зашипало от соленой воды, а потом им стало легче, и тонкая струйка нарисовалась на щеке, и сорвалась, упав на руку, большая капля.

– Спокойно, – сказал доктор. – Со слезами вряд ли получится рассказать что-то внятно – я так ничего не пойму, – выдернул из деревянной бывшей карандашницы, а теперь салфетницы, белую салфетку и вложил ей в руку.

И. В. стала медленно вытирать щеку.

– А теперь я задаю вопросы, а вы отвечаете. У вас проблемы дома?

– Нет. Да.

– Муж, дети?

– Нет. Ни мужа, ни детей. Я живу одна, работаю в школе, в начальной школе, учительница. В октябре был день рождения моего ученика, Вани Полосухина...

– Та-ак... – понативно протянул доктор.

– И меня, и весь класс пригласили к ним в дом, на Рождественской улице. Я там познакомилась с Серафимом, и мы... встречались все это время, а потом он пропал. И в этом доме, оказалось, уже лет двадцать никто не живет, и улица, оказывается, не Рождественская, а Володарского. И Серафима вообще никогда не существовало... – и И. В. разрыдалась.

– Леночка, помогите ей успокоиться, – сказал невропатолог, который, как многие мужчины, не выносил женских слез, и вышел из кабинета.

Когда он вернулся, И. В. с красным припухшим лицом сидела, откинувшись на спинку стула, вертела в руках сложенную в аккуратный квадратик размахрѐнную салфетку и шмыгала носом – совсем как в детском саду, когда была ребенком, и слезы ее тогда были, наверное, не менее горькими.

– Ита-ак... – будто вновь запуская приостановившуюся карусель, сказал Сизиф Петрович и сел за свой стол.

– Когда я увидела, что в этом доме давно уже никто не живет, и улица называется по-другому, – продолжая шмыгать и вертеть бумажку, стала объяснять И. В., – я нашла в школьной анкете другой адрес и пошла к Полосухиным на Гражданскую. Лили сказала, что все это – что дом еще жилой, что в нем живет ее брат и Валентина, которая работает в детском парке, и Серафим – все это она придумала, что ничего этого не существует, а только воплотилось, благодаря ее воображению, и что она даже не думала, что они могут так воплотиться еще для кого-то, кроме нее...

– ... – Сизиф Петрович молчал, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на животе.

– Доктор, может, это я схожу с ума, может, это Лили не существует? Но нет же, ее сын учится в моем классе уже два года, и в малышкину школу ходил. Я знаю Лили уже почти три года... Скажите, все это правда? Это возможно – вот так выдумывать людей, чтобы они появлялись на самом деле?

– Ну-у-у, науке такие случаи пока неизвестны, – многозначительно проговорил доктор, – а в жизни, я думаю, всему найдется рациональное объяснение. Это как фокус – кажется, что происходит чудо, а на самом деле – трюк, который, если знать, как его показать, на самом деле прост и понятен всем, правильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.